

ПАВЕЛ АМНУЭЛЬ

КАББАЛИСТ

ЗВЕЗДЫ «МЛЕЧНОГО ПУТИ»

Павел Амнуэль
Каббалист (сборник)

«Млечный путь»

Амнуэль П. Р.

Каббалист (сборник) / П. Р. Амнуэль — «Млечный путь»,

Повести "Взрыв", "Бомба замедленного действия", "Высшая мера",
"Каббалист" – для тех, кто любит безграничный полет мысли...

© Амнуэль П. Р.

© Млечный путь

Содержание

Взрыв	5
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Павел Амнуэль

Каббалист

(Сборник)

Взрыв

2001 год, 17 октября, четверг, вечер.

В аэропорту Кирман взял такси. Он не хотел называть адрес Уолтона и велел ехать по Риверсайд авеню вдоль реки Вест-Уолкер. Боль немного отпустила, теперь она не разливалась по всему телу, а сосредоточилась в трех точках и пульсировала там. Именно в тех точках, где и должна была локализоваться.

Кирман устал. Больше всего на свете ему хотелось, чтобы это быстрее кончилось. Пусть неудача, пусть он умрет, но быстрее. Если Уолтона не окажется дома, то придется ехать в отель, потому что передышка совершенно необходима. А в отеле его запомнят. Нет, Уолтон обязательно должен быть у себя.

Вот, опять началось. Боль, засевшая в печени, захватила уже весь правый бок. Ничего, повторял про себя Кирман, осталось немного. Машина шла по федеральному шоссе; Вест-Уолкер с цепью крутых ажурных мостов была, наверное, очень красива – Кирман любил реки, на базе в его комнатах висели большие, три на три фута, цветные фотографии рек при лунном освещении. Миссисипи. Конго. Сена... Кирман старательно вспоминал фотографии, чтобы забыться. Не удавалось. В клинике над его кроватью тоже висел постер с фотографией, и тоже река. В последние часы перед побегом Кирман старался вспомнить ее название. Это отвлекало от боли, и, когда наступил нужный момент, он, неожиданно для самого себя, легко переоделся – костюм висел в шкафу, никому и в голову не приходило, что Кирман, которому осталось жить считанные дни, может не то, чтобы уйти, но даже встать с постели.

Он вышел из клиники через кухню. В коридорах на него не обратили внимания – он заметил бы любой настороженный взгляд, чувства были обострены до предела. На кухне была суматоха, он спросил выход, ему показали, и он выбрался на Йорк-авеню. Такси взял не сразу, прошел около квартала. И поехал сначала не в аэропорт, а к отелю «Довер» на Лексингтон-авеню, и даже сделал вид, что хочет войти, но, когда такси отъехало, вернулся и поймал другую машину. Покружил по городу, и лишь от Центрального парка, на третьем уже такси поехал в аэропорт Ла Гардиа.

Погода стояла прекрасная – октябрь, мягкая осень. Он полетел в Карсон-Сити через Вашингтон. Это уже не было хитростью: в почтовом отделении столичного аэропорта Кирмана ждала посылка, отправленная им самому себе еще три недели назад, незадолго до того, как его, потерявшего сознание, увезли в клинику Рокфеллеровского университета в Нью-Йорке.

Кирман удивлялся, как удалось ему выдержать весь этот длинный путь и длинный день, и все растущую боль, которую сначала сдерживал укол морфотамина. В Нью-Йорке наверняка уже обнаружили, что генетик Ричард Кирман, доставленный в базы Шеррард в критическом состоянии с диагнозом рака легких, желудка, печени, неоперабельный, исчез из клиники. Будут, конечно, искать, но ведь решат, что он свихнулся от боли и сбежал куда глаза глядят или просто свалился на улице. Поищут в других больницах, даже в моргах. Пока будут этим заниматься, он успеет сделать все, что задумал. Либо умереть, либо... Да. Либо.

Машина свернула на бульвар, и Кирман велел остановиться. То есть он, вероятно, лишь подумал об этом – такси продолжало медленно двигаться в общем потоке, водитель сосредото-

точно смотрел вперед. Тогда Кирман набрал воздуха и произнес в переговорное устройство нечто, настолько режущее слух, что водитель мгновенно вырвал машину из потока и затормозил так, будто перед самым капотом увидел бомбу. Кирман выволок себя из машины, оставив на сидении двадцатидолларовую купюру.

Дом Уолтона находился в сотне футов, которые еще предстояло пройти. Последний раз Кирман был здесь пять лет назад. Тогда Уолтон работал в отделе экономической жизни еженедельника «Карсон Сити ревю», квартиру он еще не успел обставить, и они сидели на диване, которому предстояло утром отправиться на свалку. Они влюбленно вспоминали детство, и, Бог мой, в чем только не клялись друг другу! А потом не виделись пять лет, обмениваясь только открытками на Рождество. Дела Уолтона шли прекрасно – путь от репортера до заведующего отделом он прошел меньше, чем за год. Да и Кирман не нуждался тогда в помощи друга. Даже развод с Лиз почти не стоил ему нервов, все было сделано по обоюдному согласию, детьми они не обзавелись, так и остались друзьями, изредка Кирман ночевал у Лиз, обоим, вероятно, все-таки немного не хватало друг друга, хотя жить вместе они не согласились бы теперь ни за какие деньги... О том, что Кирман в последние годы работал на военной базе Шеррард, Уолтон не подозревал, он и не должен был знать о связи старого друга с военными. Для Уолтона Кирман оставался профессором биологии университета штата Нью-Йорк. Великим знатоком генетики раковых заболеваний.

По соседству с трехэтажным особняком, верхний этаж которого принадлежал Уолтону, выросла огромная пирамида – здание директората фирмы «Невада индастриз». Кирман постоял, прислонившись к стеклу фасада, за это время совсем стемнело, и в стекле отражались фонари, мелькали силуэты прохожих, будто жизнь шла там, в глубине. Кирман застонал – он не мог больше терпеть боль. Черт возьми, неужели он свалится в двух шагах от двери Уолтона? Почему-то последние шаги – самые трудные, порой их просто невозможно сделать. Кирман сейчас не мог себе представить, что это он, а не кто-то другой, совершил сегодня сумасшедший, но запланированный много дней назад бросок из Нью-Йорка через всю страну на запад.

Он добрался до двери особняка и отыскал сигнальную кнопку. Он даже, вероятно, нажал ее, но все уже проходило мимо сознания, он был заранее запрограммирован сделать нечто, и делал все, что должен был, не думая, полностью отключившись от внешнего мира. Лечь, думал он, и укол... Лечь – и укол...

* * *

В Овальном кабинете включили бра. Их недавно меняли, Купер лично подбирал оттенки хрусталия. Президент обвел взглядом стены. Обои в новом освещении казались не сиреневыми, а голубоватыми, хороший тон, такой, какого он добивался.

– Продолжим, господа.

Перед ним в креслах расположились министр обороны Кшемински, госсекретарь Вард, председатель комитета начальников штабов Хэйлуорд и руководитель контрразведки ЦРУ Сьюард. Директор ЦРУ, которого Купер недолюбливал за постоянную готовность сострить, вылетел вчера с рабочим визитом в ЮАР.

– Господин президент, – сказал Вард, – мы уже обсудили текст договора. О своей встрече с российским послом я докладывал. Новостей она не принесла. Русские настаивают на том, чтобы сохранить за собой релейные станции в Сибири и на Камчатке.

– Вы прекрасно понимаете, что нельзя ехать в Вену, не договорившись по этому пункту, – сказал Хэйлуорд.

– Спокойнее, господа. – Сьюард держал бокал с виски, пить он не любил, но считал, что бокал в руке придает разговору непринужденность. – Думаю, что это ложная тревога. Точнее, тревога, которая нам на руку.

– Вы выяснили причины неожиданного требования? – спросил Купер. – Договор практически готов. Русским он более необходим, чем нам. Если они не подпишут, то лишатся большого займа – на следующий год Валютный фонд заморозит свои выплаты. Какой смысл Разину за неделю до встречи вносить новое предложение, заведомо зная, что оно неприемлемо?

– Все сложнее, господин президент, – Сьюард резко двинул рукой, и жидкость пролилась на ковер. – Прошу прощения... Так вот, по агентурным данным... Это пока непроверенная информация, но думаю, она близка к истине... Русским стало известно о бункерах во Французских Альпах. До сих пор утечки информации не было, но по ряду косвенных данных можно судить о повышенной активности русской разведки в этом регионе.

– Ваша хваленая секретность, – буркнул президент.

– Ведется тщательное расследование...

– Это ваши проблемы.

Купер встал и начал быстро ходить по кабинету, от стены к стене. Поездка в Вену его беспокоила. И даже не сам договор, который, конечно, будет подписан, – русским этот договор совершенно необходим. Нет, Купера волновала его репутация. На последней встрече с Разиным три месяца назад он однозначно заверил российского президента в том, что у НАТО нет в Европе запасов стратегического оружия, – имелись в виду запасы списанного, но не уничтоженного, вооружения. Разин не преминет использовать в Вене полученную информацию, если она у него действительно есть.

Развить свою мысль Купер не успел. В кабинет вошла миссис Скрэнтон, его личный секретарь, женщина неопределенного возраста, навсегда застывшая, по мнению Купера, на отметке «сорок».

– Звонок из Лэнгли, – сказала миссис Скрэнтон. – Просят, если можно, мистера Сьюарда. Очень срочно.

Сьюард вопросительно посмотрел на Купера. Тот пожал плечами, сел в кресло и взял с подноса рюмку с коньяком. Повертел, посмотрел на свет, сказал:

– Миссис Скрэнтон, попросите, пожалуйста, чтобы нам принесли кофе.

Хэйлуорд и Вард с любопытством следили за Сьюардом. Временный шеф Управления бросал в трубку короткие «да, да», паузы между которыми удлинялись. Наконец он сказал:

– Держите меня в курсе, – и положил трубку. На лице его ясно читалось: «Только этого мне не хватало».

– Только этого не хватало, – пробормотал Сьюард. – Два часа назад из клиники Рокфеллеровского университета в Нью-Йорке исчез Ричард Кирман.

– Кирман? – президент не знал этого имени. Ничего не говорило оно и Варду, но Хэйлуорд сразу напрягся.

– Что значит исчез? – резко спросил он.

– Сбежал или похищен...

– Черт возьми, Джон, вы же говорили, что он вот-вот умрет, как он мог сбежать? И зачем?

– Господа, – вмешался Вард, – что произошло? Кто это?

– Ричард Кирман, – объяснил Сьюард, – известный генетик, занимался проблемами рака. Лет десять назад предложил так называемую генно-транспортную теорию. Тогда им заинтересовалась армия. Впоследствии Кирман вовсе отошел от преподавания и работы в университете штата Нью-Йорк. Это когда выяснилось, что есть возможность влиять на распространение раковых заболеваний.

– Распространение, вы говорите?

Президент наконец вспомнил. Дело это перешло к нему от прежней администрации, он не очень вникал в суть, подробностями занималась комиссия по контролю над вооружением. Речь, в общих чертах, шла о создании варианта так называемой «генетической бомбы» – мед-

ленного поражения противника путем влияния исподволь на генетический фонд. Да, и руководил проектом этот самый Кирман.

– В последнее время, – продолжал Сьюард, – Кирману удалось многого добиться. Генетическая бомба стала реальностью. Готовился доклад по этому вопросу. Но... вы понимаете, что никто не застрахован... У Кирмана рак. Конечно, это выглядит зловеще. Человек, занимавшийся распространением рака, сам...

– Без сантиментов, Джон, – поморщился Хэйлуорд.

– Да... Итак, Кирман сначала лежал в лазарете на базе Шеррард, было сделано все возможное, но время упущено. Метастазы и все такое. Перевели в клинику Рокфеллеровского университета в Нью-Йорке. Собственно, на Кирмане поставили крест. Жить ему от силы несколько дней.

– И он исчез, – резюмировал Купер. – Не представляю, ведь это ужасные боли, верно?

– Потому-то у моих сотрудников и возникло предположение о том, что он похищен.

– Кирман еще способен что-то выдать?

– Он был в сознании. А проблема чрезвычайно важная. Генетическая бомба, принципиально новое оружие.

– Это ваше упущение, Джон, – сказал президент, помолчав. – Надеюсь, Кирмана найдут. Хотя бы для того, чтобы похоронить.

– Уверен, – бодро сказал Сьюард.

Настроение у него было паршивое. Операция может занять часы и дни, а их у Кирмана немного. И если не удастся обнаружить хотя бы тело, скандал грозит оказаться значительно большим, чем думает президент. Сьюард знал об одном обстоятельстве – завтра Нобелевский комитет объявит фамилии лауреатов 2001 года, первого года XXI века. Премии по биологии и медицине присудят Ричарду Кирману.

* * *

После укола, полулежа в глубоком кресле, Кирман почувствовал себя человеком. Уолтон сидел напротив. Он уже изрядно выпил и, кажется, пил в одиночку еще до того, как позвонил Кирман.

Сам Кирман не пил ничего – ни спиртного, ни кофе, хотя жажда казалась ему сейчас страшнее боли. А на еду и смотреть не мог – знал, что желудок не в состоянии принимать пищу. Он сидел молча, собираясь с силами и мыслями.

– Да что с тобой, Дик? – не выдержал молчания Уолтон.

– Скажи, каким ты меня видишь?

– Ты серьезно болен или...

– Рак, Джо. Эта болезнь не красит, верно?

– Тебе нужен не репортер, а врач, Дик, – медленно сказал Уолтон. – Сейчас я...

– Не нужен мне врач. Репортер мне тоже не нужен. Сейчас мне нужен только друг.

– Но ты же совсем...

Кирман сделал резкий отстраняющий жест. Уолтон замолчал. Он не торопил, не спрашивал, только смотрел, в глазах у него была жалость.

– Лиз передает тебе привет, – с усилием сказал Кирман. Джо не знал, что они развелись.

– Она славная. Детей у вас по-прежнему нет?

– Нет... И уже не будет.

– Я не совсем понимаю, – Уолтон совершенно протрезвел. – Ты болен, и тебе нужен друг. Ты не держись на ногах, и тебе не нужен врач. Ты оставляешь Лиз в Нью-Йорке и летишь через континент в таком состоянии...

– В Карсон-Сити у меня дело. Я не могу тебе всего сказать...

– Ну, это я могу понять. Ты связан с военными, верно? Иначе как объяснить твоё пятилетнее молчание? Чем я могу тебе помочь?

– С этого надо было начинать, Джо, – пробормотал Кирман.

Подступила тошнота. Вместе с болью она поднялась к горлу, и Кирман заставил её остановиться там. Нужно было сделать ещё укол, приступы становились все чаще, чего-то он не учел, процесс развивался быстрее, чем он предполагал, и обязательно нужно успеть до утра... Нет, утром, едва станет светло... В темноте нельзя... Незнакомые дороги... Кирман очнулся.

– Мне нужна машина, Джо, – сказал он. – На день-другой.

– Я тебя отвезу, – сразу согласился Уолтон.

– Я поеду сам.

– Ты с ума сошел! Посмотри на себя...

– Так нужно, Джо.

– Ты от кого-то скрываешься?

– От кого? Просто это моя работа. Я должен выполнить задание. Будем называть это так. Тебе понятно?

– Нет.

О Господи, подумал Кирман. Он может из упрямства позвонить врачу, тот непременно вкатит какой-нибудь наркотик и отправит в больницу, и тогда действительно будет все. Тогда он действительно умрет.

Уолтон ходил по комнате широкими шагами, искоса поглядывал на Кирмана. Кирман ждал. Аргументов у него не было. Сил тоже. Он спал и видел сон.

В прошлом году весна на базе Шеррард была буйной как никогда. Пустыня в западной части Невады скупа на растительность, но примерно с середины апреля в окрестностях базы пошли в рост кусты, и на эхинокактусах появились мелкие, но сочные красные цветочки. После рабочего дня, когда Кирман уже не мог смотреть на животных и на приборы, он уходил из зоны – один или с Бет. База располагалась в низине между холмами, и они поднимались на кручу, откуда открывался вид на предгорья хребта Уоссек – очень унылое место, где все было коричневого цвета, начиная от выпирающих из почвы, подобно скулам гиганта, огромных валунов, и кончая кактусами, в далеком прошлом растерявшими все зеленые оттенки. Они доходили до зарослей колючих шаров, бродили среди них. Кирман каждый раз замечал, что здесь почему-то лучше думается...

В последние годы он все больше отдалялся от чистой науки, и это его угнетало. Он искал оправданий. В конце концов, многие его коллеги в университетах работают на армию, сами порой не подозревая об этом. Академическая наука последние десять лет не получает достаточного финансирования, многие темы приходится сворачивать. Какая, в конце концов, разница, кто оплачивает работу, если оборудование прекрасное, коллеги умны, а результаты превосходят все ожидания. Нужно признаться: нигде он не смог бы получить таких эффектных результатов, каких достиг здесь, на базе Шеррард. За пять лет он не только полностью доказал генетическую природу рака, но пошел значительно дальше – научился вызывать искусственно рак любого вида.

...В путанице мыслей, куда толчками пробивалась боль, Кирман не мог выделить сейчас основного хода рассуждений. Перед глазами стояли заросли эхинокактусов и вдруг съеживались, превращаясь в мельчайшие пылинки на предметном стекле микроскопа, потом опять разбухали и представляли длинными цепочками нуклеотидов, и начинали кружиться и кричать, и наливаясь красным, и... Кирман понял, что опять теряет сознание. Он заставил себя разлепить веки прежде, чем сознание погасло. Комната куда-то плыла.

– Звоню Лонгу, – сказал Уолтон, увидев, что Кирман хочет подняться с кресла. – Это мой врач, и он не откажется...

– Джо, – оборвал Кирман, – ты не понимаешь... Если ты сейчас кого-то позовешь, у тебя могут быть неприятности. Я не принадлежу себе, ясно?

Собственная лож казалась Кирману наивной, но иного способа убедить Уолтона он не видел.

– Не могу смотреть на тебя в таком состоянии, – пробормотал Уолтон.

– И не смотри, – сказал Кирман. – Дай мне немного придти в себя, и я уеду.

– А если меня спросят о тебе?

– Видишь ли... Те, на кого я работаю, знают каждый мой шаг, а другим знать не обязательно. Если будут спрашивать, то не те, кому положено знать. Пусть сами и разбираются.

Уолтон дернул плечом.

– Странную игру ты ведешь, – протянул он, – или с тобой ведут.

* * *

Отрабатывались сразу несколько версий, в том числе и не основные – время поджимало. Главной версией оставалось похищение. С точки зрения Олдсборна, руководителя нью-йоркского отделения ЦРУ, это была единственная приемлемая версия. Кирман при смерти, значит, не способен контролировать свои поступки. Вряд ли он может выдержать хотя бы минимальный нажим, психологический или психотропный. Идеальный объект.

Версия о бегстве выглядела значительно менее вероятной. Олдсборн и вовсе не стал бы ее разрабатывать, если бы эту версию не навязало ему непосредственное начальство в Лэнгли. Бежать Кирман мог лишь в состоянии внезапного помешательства, вызванного действием препаратов, которые ему вводили для снятия болей. Отработка этой версии не могла отнять много времени по той простой причине, что уйти самостоятельно Кирман мог не дальше, чем до соседнего квартала. Потом он наверняка упал бы, и его подобрал бы первый же полицейский патруль.

Запершись в кабинете, Олдсборн отключил все телефоны, кроме тех, что связывали его непосредственно с группами поиска. На дисплеях постоянно менялись числа и контуры городских кварталов. Выжимку из получаемой информации – простые нажатия клавиш отбирали из сообщений необходимые строки и спрессовывали их в абзацы сводок – Олдсборн тут же адресовал в Вашингтон, руководителю контрразведки Сьюарду, который все еще находился в Овальном кабинете президента, но просил держать его в курсе дела.

Первая группа «работала» клинику: опрашивала персонал, осматривала помещения. Оттуда поступило несколько сообщений, нуждавшихся в проверке, чем занимались еще две группы.

Персонал уверяет, что через главный подъезд Кирман не выходил. Во всяком случае – сам. Его могли только вынести – за время от 16.00 до 18.00 часов через главный подъезд пронесли несколько контейнеров с упакованным для отправки в ремонт оборудованием патологоанатомической лаборатории. Проверить этот вариант оказалось просто – фургон с оборудованием как раз разгружался у мастерской.

Тщательный опрос персонала еще не закончился, но было уже ясно, что для похищения оставались другие пути, исследовать которые было потруднее. Выход на хозяйственный двор клиники. В воротах электронный замок, и, как показал осмотр, за два контрольных часа никто не подавал сигнала на включение. Впрочем, на всякую электронику может найтись другая электроника...

Был еще один выход прямо на Йорк авеню – через кухню. На кухне в это время готовили ужин – все заняты, никому ни до кого нет дела, но каждый, конечно, хоть краем глаза видит на полметра вокруг. Ни носилок, ни мешков, ни контейнеров за это время к двери не проно-

силы. Люди проходили – и на улицу, и с улицы. Разносчики, кое-кто из персонала, наверняка и посетители. Мог Кирман выйти? Мог. Никто из персонала кухни не знал его в лицо.

Группа Чезвилта – одного из самых перспективных сотрудников – отрабатывала окрестности клиники. Это было самое сложное: Кирман исчез в те предвечерние часы, когда на улицах скапливается столько машин, что порой на проезжей части не остается и квадратного фута свободного пространства. На тротуарах тоже толчея, люди идут с работы, в рестораны, бары, кино – да мало ли куда могут направляться жители Нью-Йорка, переключившись с дневных забот на вечерние? Олдсборн не возлагал особых надежд на то, что Чезвилту удастся что-то обнаружить: улица в такое время – это наверняка потерянный след.

Но первое сообщение поступило именно от Чезвилта. Черный мальчишка – чистильщик обуви, расположившийся на Йорк авеню напротив клиники, утверждал, что какой-то мужчина в синем костюме (именно такой исчез из шкафа Кирмана) останавливался неподалеку примерно в половине шестого. Стоял он недолго, и мальчишка запомнил его только потому, что вид у мужчины был ужасный – бледен как смерть, весь какой-то скрюченный, будто ему двинули под дых. Куда пошел мужчина дальше, мальчишка вспомнить не смог, потому что в это время занялся клиентом.

Стало ясно, что Кирмана, скорее всего, не похитили. Впрочем, версию о похищении не стоило еще сбрасывать со счетов. В том состоянии, в каком был Кирман, он не мог оказать решительно никакого сопротивления, и если рядом с ним стояли хотя бы двое, то это вполне могли быть сопровождающие. Олдсборн прекрасно знал методы такого сопровождения, незаметного часто даже для наметанного взгляда. Мальчишка же решительно не помнил, стоял ли кто-нибудь рядом.

На этой стадии поиска Олдсборн немного расслабился. Быстрое совещание (мозговая атака) с руководителями групп показало: общее мнение склоняется к тому, что Кирмана не похищали. Бегство же в состоянии предсмертной ремиссии могло, скорее всего, закончиться появлением трупа на улице. А трупы секретов не выдают. Конечно, надо искать, но это уже не столь важно. Так Олдсборн и доложил Сьюарду, вернувшемуся в Лэнгли.

18 октября, пятница.

Ранним утром из Карсон-Сити по муниципальной дороге номер 50 выехал спортивный «феррари». Солнце только взошло, дорога была пустынна, и Кирман решился выжать из машины (а точнее – из себя) сто миль в час. Ночь была самой тяжелой в его жизни, хотя все же удалось поспать часа два. Уолтон до последнего момента колебался, дать ли ему машину. Кирман и сам колебался бы на его месте. Намеки для секретное задание годились для газет. Перед самым отъездом, когда Кирман уже сидел за рулем, ему вдруг показалось, что, едва он уедет, Уолтон бросится звонить в Нью-Йорк, а потом, естественно, в полицию. Оставалась надежда, что Лиз не окажется дома – в Нью-Йорке скоро девять утра. Во всяком случае, от машины нужно избавиться как можно быстрее. Но сначала – найти место: пока оно существовало только на карте.

Еще на базе Кирман изучил весь район Невады, Юты и даже Калифорнии в поисках надежного угла, где можно было скрыться на двое-трое суток. Больше, по его расчетам, не потребовалось бы. В конце концов, все свелось к этим двум-трем суткам – вся его жизнь. Особенно с того момента, когда он, работая у Бишопы в Бостоне над докторской диссертацией, заинтересовался проблемами рака.

До этого Кирман увлекался расшифровкой структуры и функционирования информационных РНК. По просьбе шефа он как-то провел серию опытов по выделению онкогенов из ДНК лабораторных мышей, а заинтересовавшись – и серию других, о которых лишь потом доложил шефу. Наконец Кирману удалось доказать – на это ушли полтора года, промелькнув-

шие, как один день, – что в некоторых случаях репродуцирование обычного гена с помощью РНК, структура которой изменена, приводит к раковому заболеванию. Защитив диссертацию, Кирман подписал контракт с университетом штата Нью-Йорк. Лабораторией здесь руководил опытный генетик Локвуд, который сначала отнесся к идее Кирмана скептически, но быстро убедился в способности молодого сотрудника выжимать материал из любого эксперимента и перестал вмешиваться в его работу.

Это были счастливые месяцы. Безумные месяцы уходящей юности, когда кажется, что завтра не будет ничего и все нужно сделать именно и только сегодня. Впрочем, Кирман не просиживал в лаборатории ночи напролет. Уходящая юность явила себя в совершенно неожиданной для Кирмана вспышке. Он познакомился с Лиз.

Само знакомство выглядело, с его точки зрения, предельно романтично. Кирман совсем не был знаком с жизнью Нью-Йорка, и только в его представлении уличное знакомство могло стать тайным и пикантным событием. Случилось так, что при входе на станцию подземки девушка, шедшая рядом, споткнулась, и Кирман поддержал ее под локоть. Она улыбнулась, он что-то пробормотал и неожиданно для себя тоже улыбнулся, потому что девушка была красива, у нее были огромные голубые глаза и светлые локоны, а всего остального Кирман не заметил.

Они начали встречаться. Лиз работала секретаршей в рекламном агентстве «Голд и сын» и вынуждена была время от времени спать с сыном (старший Голд был для этого слишком стар), на что и пожаловалась Кирману в первый же вечер. Все это показалось ему совершенной дикостью, он предложил набить Голду-младшему морду или что там у него есть выше воротника, но Лиз только рассмеялась и принялась втолковывать Кирману правила игры, называемой «Жизнь Нью-Йорка».

Они поженились несколько месяцев спустя, и Лиз ушла из агентства. Они сняли пятикомнатную квартиру в Бронксе, откуда Кирману было недалеко до работы – десять минут на машине.

К двадцати семи годам Кирман стал профессором и чувствовал себя человеком, у которого впереди будущее. Именно тогда он провел серию экспериментов и открыл способ лечения некоторых видов саркомы.

Он начал работать с все более сложными организмами и дошел до обезьян. Структуру молекулы т-РНК Кирман менял незначительно, все вроде бы оставалось неизменным, но «считывание» кода из ДНК и синтез белка велись теперь чуть иначе. Собственно, Кирман еще не знал достоверно, в чем именно состояла разница. Он лишь предполагал, что гены читались в ином порядке, несколько генетических «слов» пропускались. Книгу, называемую генетическим кодом, читал теперь другой читатель, а сложность книги была столь велика, что, начав, например, не с первой буквы на первой строчке, а с третьей буквы на второй строчке, можно было прочесть совершенно иной текст.

Впрочем, совершенно иной не получился. Текст оставался прежним, но клетки с белками, синтезированные по новому коду, обладали способностью бесконтрольно делиться. Это был рак.

Кирман ввел обезьянам другую модификацию РНК, которая тоже читала генетический код нестандартно. Он считал, что ему, наконец, повезло, на самом деле это было везение фанатика, перебиравшего зерно за зерном в поисках золотой горошины.

Отдельные виды саркомы удавалось вылечить в течение двух-трех недель. Но только некоторые, не более того.

Впрочем, и это было, конечно, поразительное открытие. Триумф повлек за собой два важных следствия, которые могли бы поспорить друг с другом в том, как повлияли на его жизнь.

Во-первых, начался разлад с Лиз. Кирман, обладавший покладистым характером, не представлял, как можно жить в постоянном несогласии с любым мнением близкого человека.

Такие отношения сложились у него с Лиз. Сначала он решил, что причина ее раздражительности – отсутствие детей. Виновным он считал себя, потому что однажды настоял на том, чтобы Лиз сделала аборт, – в то время он не мог представить, что в их идиллию ворвется третье, орущее во все горло существо.

На самом деле Кирман просто не замечал того, что любой другой мужчина почувствовал бы интуитивно. Лиз полюбила другого. Этот другой был владельцем страховой компании и чем-то напоминал Голда-младшего. Почему-то теперь эти повадки нахрапистого властелина не казались Лиз возмутительными. Может, сама того не подозревая, она скучала по прошлому? Лиз не спрашивала себя, почему все случилось так, а не иначе. До поры до времени Дик ни о чем не подозревал, он был настолько увлечен исследованиями, что не замечал даже, если Лиз отсутствовала по два-три дня. Она говорила, что уезжает на уик-энд к подруге, и этого было достаточно. В конце концов, Лиз стало скучно обманывать, и она объявила Дику, что любит другого и им лучше разойтись.

Трагедии не произошло. Но и уверенности в будущем развод тоже не добавил – ни Кирману, ни Лиз. В качестве чужой жены, которой можно посвящать день-другой, Лиз вполне устраивала своего любовника, имени которого Кирман не знал и знать не хотел. Спец по страхованию приобрел для нее небольшую квартиру на Манхэттене – то была своеобразная компенсация за душевное неудобство, которое испытала Лиз, узнав, что ее бросили. К Кирману она все же не вернулась. Да он и сам понимал, что это невозможно. Новых знакомств Кирман не заводил, а мимолетные романы Лиз заканчивались ничем, и они вновь встречались, необременительно и хорошо.

Вторым же событием, круто переменившим жизнь Кирмана, стало приглашение сотрудничать с министерством обороны...

Проехав сорок две мили от Карсон-Сити, Кирман чуть было не пропустил знак поворота на дорогу номер 447, уходящую на север. Он с трудом вывернул руль, боль сразу же волной взметнулась от живота к голове, расплескалась там, и Кирман едва не врезался в дорожный указатель. Он выехал на дорогу 447 и молил Бога, чтобы она оказалась именно такой, какой запомнилась по очень подробной карте. Четыре с половиной мили шоссе должно быть прямым как стрела, потом оно упрется в овраг и круто свернет, чтобы запетлять по склонам холмов, где, если верить карте, окажется много глубоких пещер. Одна из них и нужна Кирману.

Шоссе действительно оказалось прямым и совершенно пустынным. Пятница только началась, до уик-энда еще несколько часов, да и вряд ли в этом направлении устремится волна желающих устроить пикник. Боль почему-то отступила – Кирмана била дрожь, руки тряслись, как у старика, машина виляла. Нервы, подумал он. Напряжение ожидания было у него сейчас сильнее боли.

Он увидел впереди знак поворота и остановил машину. Заставил себя выйти и осмотреться. Все кругом оказалось таким, каким и должно было быть, и это соответствие планов действительности ободрило Кирмана настолько, что он перестал дрожать и почувствовал даже, что способен твердо идти. Второе дыхание? Скорее, десятое. Второе открылось у него месяца два назад, когда он понял, что заболел. Потом пришлось преодолевать один барьер за другим, и для этого каждый раз нужно было новое дыхание. Третье, четвертое, а то и два сразу – иначе не выдержать. Сейчас – последнее.

Автомобиль, спущенный с тормозов, медленно покатился под уклон, перевалился через невысокие кусты на обочине и рухнул в провал. Кирман услышал треск кустов, грохот падения, а потом – взрыв, приглушенный стеной оврага.

Кирман между тем, совершенно уже не осознавая своих действий, карабкался по склону холма. Холм был пологий, но казался Кирману почти отвесным. Он расцарапал пальцы, порвал брюки, глаза воспринимали окружающее, мозг – нет. Это была агония, и будь Кирман в состоянии понять это, он остался бы доволен.

Выбирать уже не приходилось. Пещера, в которую он себя затащил, была не такой уж глубокой – скорее широкая ниша, открытая на восток. Здесь было сухо и пахло пустыней. Инстинкт гнал Кирмана в самую глубину, он уперся в стену и застыл, упав в неудобной, скрюченной позе. Мыслей не было. Не осталось ничего: ни боли, ни ужаса смерти. Любой врач, осмотрев Кирмана, сказал бы одно слово: мертв. Он и был мертв.

Но он жил.

Или жил не он?

* * *

Лиз чувствовала себя отвратительно. Пить она начала еще со вчерашнего утра, когда узнала, что Дик усталось жить считанные дни. Позвонив на работу и сославшись на болезнь, она выпросила день отпуска – и начала пить. Лиз думала, что забудется, но после каждого выпитого глотка память почему-то становилась все прозрачнее, то ли глаза ее, обращенные внутрь души, обретали зоркость, – но она, теряя представление о времени, все глубже погружалась в воспоминания и плавала там, совершенно безвольная.

Лиз старалась отогнать мысли о Дике, о том, что он умирает сейчас где-то в клинике, и подменяла эти воспоминания мыслями о человеке, к которому ушла от Дика, но ничего не получалось. Когда Лиз поняла, что никого, кроме Дика Кирмана, это сумасшедшего биолога, у нее в жизни не было, она начала плакать. Она лежала на кровати и плакала, и опять пила, а потом это стало настолько невыносимо, что она ушла из дома и бродила где-то, куда-то заходила, чтобы еще выпить. Она полностью утратила контроль над собой и действительно начала забываться. Был вечер, а потом ночь, кто-то наверняка дал ей наркотики, иначе не было бы все так гнусно и противно. И просто страшно.

Лиз поднялась на лифте на свой этаж, и здесь, едва она вышла в холл, ее взяли под руки двое мужчин и ввели в собственную квартиру, которая почему-то оказалась открытой.

Минут через пять, после нескольких таблеток аспирина и бокала сока, Лиз собралась с мыслями настолько, что поняла: одно из гостей зовут Хендерсон и он вовсе не грабитель, а, скорее, наоборот – сотрудник ЦРУ. Фирма произвела на Лиз впечатление, но вовсе не то, на которое рассчитывал Хендерсон.

– Что вы сделали с Диком? – закричала она. – Теперь вы за меня приметесь?

Она долго не могла взять в толк, что Хендерсона интересует единственный вопрос: видела ли она вчера вечером или нынче ночью своего бывшего мужа Ричарда Кирмана? Вопрос, когда она его поняла, вызвал у Лиз приступ истерики. Нет, нет, нет, она не видела Дика уже почти полгода, и прежде видела слишком редко; если бы они виделись чаще, если бы Дик вел себя иначе, нет, он не мог вести себя иначе, если бы она, дура, не делала глупостей, все могло пойти по-другому, и Дик не лежал бы сейчас в клинике, и если ему суждено умереть, пусть бы это было здесь, на ее глазах, чтобы потом всю жизнь видеть его лицо и обвинять себя во всем, что было, что есть, что будет, и чего не будет никогда...

Хендерсону было жаль женщину; он позвал помощника, вдвоем они перенесли Лиз – она уже спала – в постель. Потом он позвонил Олдсборну и получил указание ждать, когда Лиз проснется. Желательно, чтобы это произошло пораньше.

Лиз проснулась около полудня. За это время произошло несколько событий. Агенты, работавшие с частными таксомоторами, нашли водителя, который вчера ожидал клиента напротив клиники. На мужчину, похожего по описанию на Кирмана, он обратил внимание лишь потому, что тот плелся вслед за потрясающей негритянкой, каких даже в Нью-Йорке редко встретишь. Мужчина именно плелся и даже спотыкался на ровном месте. Водитель следил за девушкой, пока она не скрылась за углом, – мужчины на улице в это время уже не было.

Тот или вошел в какой-то подъезд, или сел в машину. После этого показания поиски среди таксистов возобновились с удвоенной силой.

Между тем в одиннадцатичасовом выпуске новостей телекомментатор компании CNN сообщил имена новых лауреатов Нобелевской премии – первой в XXI веке. Премия по биологии и медицине присуждена Ричарду Кирману за исследования в области генетической природы раковых заболеваний.

Проснувшись с тяжелой головой и почти ничего не помня из того, что происходило утром, Лиз обнаружила в гостиной двух незнакомых мужчин, смотревших телевизор. Хендерсону пришлось заново представляться. Теперь Лиз была в состоянии рассуждать трезво и дать показания. Нет, бывшего мужа она не видела. Скорее всего, Дик ушел из госпиталя сам. Он и прежде бывал иногда взбалмошным. То есть совершал поступки, которых она не могла понять. Его эксцентричность, как ей теперь кажется, была связана с его опытами. С его раздумьями. С его идеями... Он вполне мог сбежать. Особенно если ему неожиданно пришла в голову мысль, которую он хотел бы проверить или обдумать, а для размышлений он иногда выбирал самые неожиданные места...

Лиз говорила и говорила, диктофон был включен, одновременно ее путаная речь передавалась по радиотелефону в центр, где эксперты анализировали каждое слово, а Олдсборн тут же давал новые указания поисковым группам.

Когда полчаса спустя Лиз выдохлась, от некоторых групп уже поступили сообщения: Кирмана не нашли...

* * *

Сьюард сидел в кресле, вытянув ноги, начавшие ныть в коленях, – верный признак приближения непогоды.

Сьюарду было ясно, что о похищении не может быть и речи. Либо Кирман действовал сам в состоянии умопомрачения, либо это заранее продуманный сговор, возможно, с участием каких-то разведывательных служб, с которыми биолог мог быть связан еще до болезни. Если верно первое, то действия Кирмана непредсказуемы, и найти его в нью-йоркском водовороте за те часы, что ему осталось жить, вряд ли удастся. Если же Кирман связан с чьей-то разведкой, то какой был смысл бежать сейчас? Возможно, в последние перед побегом часы произошло нечто неожиданное, потребовавшее немедленной связи? Что? Новая идея? Открытие? Над чем, черт возьми, работал Кирман перед болезнью?

Сьюард попросил соединить его с базой Шеррард. Пока готовили связь, Сьюард услышал сообщение, которое взволновало его больше, чем все предыдущие донесения. Он, впрочем, предвидел такое развитие событий. Узнав о присуждении Кирману Нобелевской премии, репортеры ринулись на поиски лауреата; уже пробрались в клинику, а двое явились на нью-йоркскую квартиру Кирмана и к его бывшей жене, с которой еще не закончил работать Хендерсон. Сьюард понимал, что в ближайшее время необходимо будет огласить какую-нибудь разумную версию – ведь для всего научного мира Кирман был и остался генетиком, ищущим способы спасения от рака. Сугубо штатским человеком. От этого и нужно отталкиваться.

На экране возникло лицо начальника базы, и в это время дисплей связи с Олдсборном показал текст: «Вчера, около восьми вечера, в самолет компании «Пан Американ», совершавший рейс из аэропорта Ла Гардиа по маршруту Нью-Йорк – Вашингтон – Сент-Луис – Карсон-Сити, сел человек с документами на имя Крамерса, фоторобот которого весьма похож на Кирмана. Данные уточняются».

* * *

Беатрис Тинсли родилась на юго-востоке, их домик стоял на берегу Апалачского залива в нескольких милях от довольно большого и шумного города Талахасси. Отец ее держал запра-вочную станцию. Бизнес был относительно выгодным до тех пор, пока в 1994 году не построили новое шоссе – к северу от города. По старой дороге проезжало все меньше машин, и дела Тинсли пошли плохо. Станцию он продал, но еще осталась земля – двадцать акров, которые пока не падали в цене. Однако два года спустя родители Бет неожиданно скончались: сначала отец – от рака желудка, а вскоре и мать – от инфаркта.

Так получилось, что Бет осталась одна, когда ей едва исполнилось двадцать. Дом с землей она продала – брат матери, живший в Канзас-Сити, говорил, что она здорово продешевила, но жить на старом месте Бет не могла. Провела месяц у дяди, но не хотела быть обузой. Она окончила колледж, и одно время готовилась к поступлению в университет. Ее влекла биология, и в конце концов она пошла по объявлению работать в какую-то фирму, занимавшуюся медицинскими исследованиями. Неподалеку от огромного двадцатипятиэтажного здания фирмы, на окраине Канзас-Сити Бет сняла квартиру из двух комнат. Появились у нее и поклонники – из служащих фирмы. Платили в фирме неплохо, обещали платить больше.

В общем, Бет не могла пожаловаться на жизнь, и потому сама удивилась, когда ответила согласием (даже не подумав!) на предложение руководителя отдела: перейти на новое место, куда-то на запад Невады, где должна открыться перспективная фирма и где будут платить значительно больше, к тому же появится больше возможностей для учебы, да и вообще для продвижения. Очевидно, шеф уловил то, в чем сама Бет себе не признавалась: работа интересовала ее больше, чем возможные изменения в личной жизни; за несколько месяцев она стала опытным биологом-экспериментатором.

На сборы ей дали сутки, и она даже не со всеми знакомыми успела попрощаться. Отправилась в Неваду, ни о чем не жалея, но ни на что особенное, впрочем, и не рассчитывая.

Месяц ее продержали в Солт-Лейк-Сити: проверяли знания и квалификацию. Новая фирма, принадлежавшая Пентагону, Бет сначала не понравилась. Анализы, вскрытия животных, биопсии Бет делала очень умело, но работа ее в первое время угнетала. Возможно потому, что с ней часто беседовал офицер службы безопасности. Бет понимала, что работать ей предстоит на какой-то секретной базе армии, это было любопытно, но ее раздражала обстановка подозрительности. Вечера Бет проводила в увеселительных заведениях, куда ее приглашали новые друзья из лаборатории. Впрочем, она ни разу не пошла дважды с одним и тем же партнером.

Через месяц ее с пятью другими сотрудниками доставили на вертолете в пустынную местность, о которой она знала только то, что это где-то в Неваде, но недалеко от Калифорнии. После пышной растительности юга здесь было, как на Луне.

Зарабатывала Бет прилично, но что делать с деньгами на базе? Мужчины могли тратить на выпивку, а для женщин оставалась единственная возможность разнообразить жизнь: пуститься в любовную интрижку, а то и выйти замуж, тогда хоть появится какая-то цель. Выезжать за пределы Шеррарда младшему персоналу разрешали с большой неохотой, да и куда было ездить? Ближайший городок Хоторн был такой же дырой, разве что по дороге на базу можно было прогуляться вдоль берега красивого озера Уолкер.

Через два месяца Бет познакомилась с Кирманом, и жизнь ее опять круто переменялась. Настолько круто, что сейчас, в полдень 18 октября 2001 года, она сидела перед майором службы безопасности Полом Рихтером и решительно не знала, что говорить, хотя все возможные варианты ответов были обговорены с Диком еще несколько месяцев назад. Вчера Дик был еще жив, а по ночному переполоху Бет поняла, что пока все идет по плану и Дик ушел.

– Милая Бет, – сказал Рихтер, – я пригласил вас к себе, чтобы кое о чем спросить. Из сотрудников базы вы ведь лучше всех знали Ричарда Кирмана, верно? Я слышал, даже собирались за него замуж?

– Дик не делал мне предложения, – Бет запнулась, – а теперь... Теперь уже, наверное, не сделает...

Рихтер покачал головой.

– Его болезнь для нас тяжелый удар. Лучший ученый. Ну... вам это известно лучше.

Значит, его не нашли, подумала Бет. Она поджала губы и приготовилась заплакать. Рихтер протянул ей бокал с соком, но успокаивать не стал, ему и нужно было вывести Бет из равновесия.

– Скажите, мисс Тинсли, в последнее время перед болезнью вы не замечали в поведении Кирмана чего-нибудь... ну, необычного?

– Нет, – сказала Бет. – Ничего такого... особенного.

– Вы были его ассистенткой, верно? Работали вдвоем. Часто бывали вместе. Не встречался ли Кирман в неслужебное время с кем-либо, кроме вас? На территории базы или вне ее...

– Нет, – решительно сказала Бет. – Он ведь очень уязвимый, Дик, и скрытный... Нет, сэр.

– Милая Бет, не нужно так официально. Мы ведь беседуем, и для вас я просто Пол.

Голос Рихтера казался Бет все более тусклым, между ее сознанием и миром возникла какая-то серая стена. Бет отвечала уже чисто механически, вопросы были простыми, ответы готовы заранее, и она начала думать о своем. О том, что Дик, наверное, уже добрался до пещеры. Он так и не сказал ей, какое именно место выбрал для того, чтобы переждать процесс. Кирман знал, что Бет могут начать обрабатывать препаратами, и она невольно скажет все, что знает. В любом случае она не должна была сказать ничего лишнего.

Рихтер не хотел пока применять к Беатрис Тинсли крутые меры. Она, конечно, знает больше, чем говорит. Но прежде чем менять тактику допроса, нужно представить себе, к какой именно области относится знание, которое она прячет так старательно, что оно проглядывает в каждом ее движении. Рихтер прекрасно умел отличать ложь от правды – так ему, во всяком случае, казалось. Допустим, Бет что-то скрывает. Это вполне может быть нечто из ее интимных отношений с Кирманом, и проку от такого знания немного. В иностранную разведку Рихтер не верил – эту версию навязало ему начальство, и он ее отрабатывал, понимая полную бесперспективность.

В отличие от теоретиков из Лэнгли Рихтер хорошо знал Кирмана – это был один из самых опекаемых людей на базе, его работа представляла первоочередной интерес. Связи тщательно прослеживались, и Рихтер был уверен – биолог вне подозрений. Иначе и быть не могло. Кирман – ученый, профессионал. В политике не разбирается. Считает, что каждым делом должен заниматься профессионал. Пироги должен печь пирожник, и печь так, будто каждый пирог – последний. И политику должен делать профессионал высочайшего класса – возможно, таких и нет в наши дни. А биолог должен на пределе своих сил заниматься биологией. Генетикой в частности.

Лицевая сторона этой идеи была совершенно очевидна, и Рихтер был доволен тем, что, судя по всему, обратная сторона до сознания Кирмана не доходила. Кирман работал на базе Шеррард над генетической бомбой, способной погубить население страны так, что противник и не заподозрит вмешательства извне. Заманчивая задача для профессионального генетика, и Кирман решал ее на высоком уровне. Но при этом думал, по-видимому, что те, кто поставил перед ним задачу, тоже высокочлассные профессионалы в политике и военном деле. А потому вмешиваться в их решения не только бессмысленно, но просто вредно.

Итак, Рихтер решил, что проверять возможные связи и политические взгляды Кирман, конечно, нужно. Но чего бы стоил он как профессионал-разведчик, если бы не обнаружил эти связи раньше? Их просто нет. Однако Рихтер, опять-таки будучи профессионалом, не давал

воли самолюбию. Нужно проверить – он проверит. А потом начнет отрабатывать свою версию, более реальную, на которую в Лэнгли не обратили должного внимания. Кирман мог уйти из клиники по единственной причине – ему пришла в голову идея, которую необходимо было или просчитать, или доказать экспериментом. Сделать это мог либо в лаборатории университета, либо на базе. До базы далеко, часы Кирмана сочтены, значит, искать его нужно у нью-йоркских генетиков. Но это личное соображение Рихтера, начальство не спрашивало его мнения.

– Скажите, Бет, – Рихтер помедлил, – часто ли бывало, чтобы вдруг, среди ночи Кирману... Дику являлась какая-нибудь идея, и он покидал вас? Или наоборот, звонил вам среди ночи и просил придти в лабораторию, чтобы что-то проверить...

Бет улыбнулась. Этот вопрос Дик тоже предвидел. Господи, да Дик предвидел все! Она сделала вид, что задумалась.

– Н-нет, сэр.

– Пол, милая Бет, просто Пол...

– Да. То есть, нет, это было редко. Собственно, я только один раз и помню. Когда умирала Красавица... Помните?

Рихтер кивнул. Этот эпизод трудно было забыть. Года полтора назад Кирман переполошил всю службу безопасности, потребовав около четырех утра вертолет и объявив, что ему срочно нужно быть в лаборатории генетика Хадсона в Солт-Лейк-Сити, чтобы поставить некий контрольный эксперимент для проверки новой идеи. Рихтер не привык к таким методам работы. Лично его неожиданные идеи по ночам не посещали. Начался переполох, и только к пяти часам разрешение было получено. В половине шестого Кирман вылетел, а в шесть вертолет опустился на посадочной площадке, Кирман вышел под недоуменными взглядами охраны и объявил, что в дороге понял, где ошибся. Только и всего... А Красавица умерла – лучшая обезьяна из питомника. Идея оказалась ошибочной, и макаку похоронили.

– Еще вопрос, Бет, и я отпущу вас отдыхать. Среди коллег-генетиков у Ричарда много знакомых? Ведь за последние годы он кое с кем перестал переписываться, верно? Работа здесь не располагает к обширным связям. Старые рвутся, новые не заводятся...

Бет кивнула.

– Вы правы. Дик часто говорил, что чувствует себя здесь, как на необитаемом острове. Знакомых у него почти не осталось.

– Могли бы вы назвать две-три фамилии? Таких людей, с кем бы он переписывался или кого бы навещал.

Бет посмотрела на Рихтера удивленно, и он, прекрасно поняв этот взгляд, лишь кивнул, поощряя все же ответить. Корреспонденция, выходившая за пределы базы, в том числе и сугубо личная, перлюстрировалась. Почта, приходявшая на базу, – тоже. Компьютеры имели выход в Интернет и на серверы сети Министерства обороны, но любые файлы – входящие и исходящие – изучались экспертами из службы безопасности. Рихтер был прекрасно осведомлен обо всех корреспондентах Кирмана и знал, что среди них не было ученых-генетиков.

– Он называл мне... Гордон из Детройта, например. Ширли из Кливленда... Больше не припомню.

– Спасибо, милая Бет, – улыбнулся Рихтер, – это пока все, что я хотел узнать. Идите к себе.

Бет поднялась. Ей показалось, что сейчас она упадет. Нужно спросить... Это ведь естественно – спросить о Дике.

– Господин Рихтер, – сказала она. – Ричард еще... Я хочу сказать, он...

– Он жив, – поспешно ответил Рихтер. – В тяжелом состоянии, но жив. Знаете, – он говорил вслед Бет, которая шла к двери, как лунатик, ничего не видя перед собой, – знаете, я сообщу новость, которая наверняка вас обрадует. Недавно передавали – Кирману присуждена Нобелевская премия.

Бет повернула к Рихтеру ничего не выражавшее лицо. Он ожидал иной реакции. На нее, собственно, и рассчитывал. Бет не могла не поразить новость, она ведь любит Кирмана. Что с ней?

Впрочем, конечно, подумал Рихтер, что, с ее точки зрения, Нобелевская, если Дик умрет? То, что она сказала, он сообщит по инстанции. И все же Тинсли что-то скрывает. Если часа через три Кирмана не найдут, за нее придется взяться всерьез, без сантиментов. Когда нужно, Рихтер мог быть и жестким. Он был профессионалом.

* * *

Думая о Ричарде, Уолтон понимал, что разговор высветил лишь вершину огромного айсберга, так и оставшегося под водой. Кирман находился в том состоянии, когда человеку не нужен никто, кроме хорошего врача. Или духовника, но ведь Ричард нерелигиозен. Почему он, Уолтон, поддался влиянию друга, оставил его в беде и даже дал машину? Если Ричард решил покончить с собой столь нетрадиционным способом, зачем создал столько неприятностей для Уолтона? Может ли быть, что Ричард действительно выполняет приказ? О том, что в последние годы Кирман был связан с военными, Уолтон догадывался. Как-то, года еще четыре назад, будучи в Нью-Йорке, он пытался разыскать Кирмана, но дома его не оказалось, Лиз сказала, что Дик много работает и что он ушел из университета, она же намекнула на некий контракт с министерством обороны...

С утра Уолтон сидел в кабинете и вычитывал с экрана экономическое обозрение. Он ждал звонка и волновался, что его так долго нет. Если Ричард во что-то врезался на машине, то сюда уже давно ввалился бы какой-нибудь полицейский чин. Половина двенадцатого, скоро время обеда. Может, все не так страшно, как представляется? Ночью все видится в ином свете. Однако... Дик сказал, что у него рак. И похоже на то, очень похоже. Это быстрая смерть, и это ужасно.

В полдень Уолтон почувствовал себя вымотанным до такой степени, что строчки начали сливаться. Он отодвинулся от экрана. Пора пообедать и заехать домой. Возможно, Дик оставил машину где-нибудь на дороге и полицейские пригнали ее в гараж?

Проходя через холл, Уолтон неожиданно услышал фамилию Кирмана – ее назвал диктор телевидения. CNN показывала полуденные новости. Наконец до Уолтона дошло – Кирману присуждена Нобелевская премия.

Первым чувством стала обида: какая это была бы крупная репортерская удача – эксклюзивное интервью с лауреатом. Может, даже последнее... А Ричард промолчал. Не по-дружески это, нет. Уолтон ушел из редакции, хлопнув дверью, и лишь на улице пришел в себя настолько, что с досадой сплюнул. О чем он? Какие еще обиды? Знал Дик о премии или нет – какое это имеет значение по сравнению с тем фактом, что в любом качестве, Нобелевского лауреата или простого ассистента, жить ему осталось дни?

Лиз! Господи, почему он все утро терзал себя совершенно недоказуемыми мыслями, вместо того, чтобы снять трубку и позвонить в Нью-Йорк?

Возвращаться в редакцию не хотелось. Уолтон вошел в будку таксофона и, набирая код Нью-Йорка, припоминал нужный номер. Он звонил Дику по этому номеру четыре года назад, но память газетчика была цепкой, и он вспомнил. Трубку подняли сразу, но это была не Лиз, какой-то властный баритон почти по-уставному отрапортовал, что Ричарда Кирмана нет, и Лиз Кирман также отсутствует.

– Кто ее спрашивает? – спросил баритон.

Уолтон на мгновение растерялся.

– Лиз Кирман сейчас нет, – повторил баритон. – Назовите себя, я передам ей, когда миссис Кирман вернется.

– Ричардсон, – сказал Уолтон, которому в этот момент вспомнились все ночные недомолвки и предостережения.

– Мистер Ричардсон, – голос смягчился, – прошу прощения, вы не смогли бы перезвонить, скажем, через полчаса?

– Конечно, – сказал Уолтон и повесил трубку.

Выйдя из телефонной будки, он зашагал в сторону своего дома. Как ему вообще пришло в голову звонить в Нью-Йорк? Хорошо, что он назвал чужую фамилию. То, что он позвонил из таксофона – тоже большая удача. А ведь идея позвонить Лиз могла придти ему в голову на полчаса раньше, когда он был еще в редакции. Ясно, что Ричарда ищут. И ясно, что если Дик и выполняет чье-то задание, то при этом от кого-то скрывается. Господи, эти люди не считаются ни с чем! Человек обречен, а его посылают с каким-то...

Уолтон остановился, как на столб налетел. Почему он решил, что Ричарда кто-то куда-то посылал? Он попросту скрывается – по своей воле, разумеется. Но от кого, черт возьми, должен скрываться известный ученый, Нобелевский лауреат?

Нужно разобраться, подумал Уолтон. А я еще дал ему «феррари». Опознавательный знак. Пожалел старого друга. А Ричарду старая дружба помешала разве втравить меня в историю? Мог ведь взять машину напрокат. Что же теперь? Если Кирмана ищут, то рано или поздно найдут. Уж в этом можно не сомневаться.

Уолтон взял такси и поехал домой. Есть не хотелось, он только выпил немного, и волнение улеглось. Если бы речь шла не о Кирмане, Уолтон сделал бы прекрасный материал на первую полосу. Самого себя в роли героя репортажа «Погоня за Нобелевским лауреатом» Уолтон не представлял. Все это интересно, интригующе, если не касается тебя лично. Дурак, дал машину.

А все-таки я трус, подумал Уолтон. Пришел старый друг, жить ему осталось дни. Что он натворил – его дело, но он просил о помощи. А ты жалеешь, что поступил как человек, а не как свинья.

Уолтон умылся, привел себя в порядок, заодно послушал новости. Никаких сообщений о происшествиях, где упоминался бы его «феррари», не было. Ну и хорошо.

Он приготовился уходить, и в этот момент позвонили. Не снизу, а в дверь. Ноги почему-то стали ватными. А чего, черт побери, опасаться? Я-то при чем? – сказал себе Уолтон. Поговорим и разойдемся.

За дверью стояли трое. Один у лифта, второй на лестнице, третий – у двери, палец на кнопке звонка.

– Мистер Уолтон, – сказал тот, что стоял у двери. Он как-то сразу вдвинулся в холл, и те двое тоже. Уолтон опомниться не успел, как оказался сидящим на диване, а один из пришедших расположился в кресле, где ночью сидел Ричард.

– Что? – сказал Уолтон. – Я... Меня ждут.

– Мы ненадолго. Я Майк Стреттон, вот моя карточка, прошу.

Что там было на карточке, Уолтон не разглядел, но фотография соответствовала. Может, это были водительские права, а может, какие-то иные. Главное, что у Стреттона было право спрашивать.

– Так что вам нужно? – повторил Уолтон.

– Ничего особенного, мистер Уолтон, – мирно сказал Стреттон. – Я только прошу вас рассказать, когда к вам пришел ваш знакомый Ричард Кирман, о чем вы разговаривали и куда он потом направился. Лучше начните с конца – куда он направился отсюда. А потом вернемся к началу. Хорошо?

Мирный тон Стреттона приободрил Уолтона, журналист неожиданно представил себя героем триллера.

– Ричард Кирман? – сказал он. – Вы имеете в виду губернатора штата Невада в период с тридцать пятого по тридцать девятый год?

– Признаться, я не знаю, кто тогда был губернатором в Неваде, – равнодушно сказал Стреттон, и Уолтон решил, что победа одержана. Все оказалось не так сложно.

– Профессия, – с энтузиазмом сказал он. – Приходится помнить столько фактов, что...

– Вот и вспомните, – как отрезал Стреттон, – что говорил Ричард Кирман, куда и когда он ушел. И быстрее, времени у нас нет.

Двое, стоявшие у двери, шагнули вперед. Будут бить, обреченно подумал Уолтон. Он вспомнил Ричарда, его донельзя изможденный вид. «Мне не нужен врач. Репортер мне тоже не нужен. Сейчас мне нужен только друг.» Только. Так мало. Машину все равно найдут. А эти уже подошли вплотную. Вечно у них какие-то тайны. Пусть разбираются сами. В конце-то концов.

– Дик... Ричард Кирман ушел от меня около шести утра...

* * *

Рейболд, молодой фермер из Канагари, сбавил скорость. Меньше свиста в ушах, но больше шансов оказаться с Джой не в кювете, а в уютной пещерке, где можно развести костер и отдохнуть после трудовой недели. Быстрая езда ублажала маникюршу из «Хилтона», с которой он познакомился вчера вечером, – Джой дремала, покачивая головой. Она ему сразу понравилась тогда, в баре. Он не любил случайных знакомств, но все оказалось проще, чем он воображал. И теперь они с Джой едут к пещерам, которые Рейболд спяну расхвалил как райский уголок в этой унылой пустыне.

Поворот. Рейболд прижал педаль, машина пошла медленно, и он неожиданно ощутил запах гари. Фермер беспокойно приняхался. Бензиновая гарь. Запах стал острее, и теперь Рейболд разглядел струйку дыма, поднимающуюся из оврага.

Он прекрасно понял, что это означает. Проломленный бордюр шоссе на повороте только подтвердил его предположение. Остановив машину, Рейболд подошел к бордюру. Джой спроне, видимо, решила, что они уже приехали, и начала что-то искать в сумочке.

Рейболд попытался разглядеть упавшую машину в зарослях кустарника на дне – овраг был глубиной футов двести. Костей не соберешь. Люди наверняка погибли – похоже, что взорвался бак. Спуститься и посмотреть? Здесь не спустишься. Пока найдешь спуск, да пока... Живых там, конечно, нет. Нужно сообщить в полицию. Приедут, разберутся.

Джой подошла и встала рядом. Опершись на плечо Рейболда, она с любопытством смотрела вниз. Там мертвые, подумал фермер, а она глядит, будто это кино какое.

– Пойдем, детка, – сказал он, обняв Джой. – Я позвоню в полицию, ты не возражаешь?

Он вытянул из бокового кармана куртки мобильный телефон.

* * *

Стемнело. Даже если бы кто-то заглянул внутрь пещеры, то вряд ли заметил бы в глубине скрюченное тело. Не услышал бы дыхания – дыхания не было. Не услышал бы биения сердца – сердце не билось.

Рейболд расположился с Джой ядрах в пятидесяти – пещер здесь было достаточно и для мертвых, и для живых...

* * *

Бет вернулась в лабораторию. Работа продолжалась, здесь уже знали о Нобелевской, и Бет ловила на себе сочувствующие взгляды. О побеге не знал никто.

– Вы сегодня не в форме, Бет, – мягко сказал доктор Кин, подойдя к ней после того, как она неудачно вытащила из клетки мышь, и та, попискивая, начала бегать по столу. – Я все понимаю, милая. Идите, отдохните до завтра.

И Бет ушла, не сказав ни слова и не попрощавшись. Ничего, все ее поняли. Хотя поняли вовсе не то, что было нужно. Дома у нее кто-то побывал – это она поняла сразу. Нет, все находилось на своих местах. Бет была уверена, что, если начнет сейчас проверять каждую мелочь, то и тогда не обнаружит следов – работали профессионалы. Но запах свой они оставили.

Бет свернулась клубочком в кресле, налила себе немного виски, но не пила, держала бокал в руке, и в него уходила ее сосредоточенность, ее боль, ее ожидание.

Только бы Дику не было больно, думала она. Иожет быть, ему уже не больно. Может, он уже стал другим. Каким? Каким он придет к ней? Или не придет вовсе? Только такая влюбленная дура, как она, могла позволить сделать все это. Что – это? Она ведь толком не знала, что именно они с Диком сделали. Недостаток образования сказывался. «Не нужно тебе всего знать, – говорил Дик. – Чем меньше об этом знаешь, тем спокойнее и тебе, и мне. За тебя и так возьмутся, если...» За нее уже взялись, но странно, что пока так слабо. Но возьмутся крепко, это Бет понимала. Особенно если доберутся до программы «Зенит».

"Зенит"... Вести собственные незапланированные исследования на секретной базе – искусство высшей категории. Бет думала, что никому, кроме Дика, это и не удалось бы. Помогло то обстоятельство, что, будучи руководителем лаборатории, Дик мог вмешиваться в ход любого эксперимента, в каждую мелочь. Мог сейчас заниматься одной проблемой, а через час – другой. На самом деле последние два года Дик работал в основном на себя. Он не имел права скрывать результаты исследований, он и не скрывал. Документация у него – у них с Бет – всегда была в порядке. Помогала им сложная система отчетности. Трудно, практически невозможно, полагал Дик, разобраться с деталях того или иного эксперимента, если результаты мозаично вписываются в данные других опытов, заносятся в память компьютеров в кодированном виде, причем – не только на базе, но и в память всей сети компьютеров министерства обороны. Чтобы хорошо работать с такой системой, Дик за полгода научился программировать лучше любого оператора на базе... Если эксперты в будущем захотят выудить всю информацию по «Зениту», им придется проанализировать более сорока широкомасштабных научных программ – все, что было сделано на базе за два года. Огромная информация, рассеянная в сетях, и времени на это уйдет много.

Осечка может получиться только с Бимбо. Все мыши, с которыми работал Дик, были уничтожены, кроме одной, запертой в сейфе в кабинете Кирмана. Там, в особом отделении, хранились и наиболее секретные документы по генетическому канцерогенному оружию, доступ к которым кроме Дика имел лишь специальный представитель министерства обороны. В этом сейфе почти год жила мышь по имени Бимбо. Или не мышь? Выглядела она мышью – прошлым летом Дик ввел Бимбо онкоген, а неделю спустя, когда раковые изменения стали очевидны, ввел препарат мутированной т-РНК.

Когда Дик положил мышь обратно в клетку, руки у него дрожали. Они с Бет были в лаборатории не одни, при опыте присутствовали человек десять – даже доктор Кин. Дик не скрывал важности именно этого эксперимента для всей программы. О мутированной РНК не было сказано ни слова, речь шла о новом виде онкогена, вызывавшем скоротечные формы рака. «Вы блестящий экспериментатор, – констатировал Кин. – Я смотрю на ваши руки, и мне кажется, что это руки Бога, творящего живое». Дик посмотрел тогда на свои ладони и ответил: «Я не

хотел бы, Эл, быть на месте Бога. Этими руками я создал бы расу уродов. Я привык к генетическим аномалиям, а Господь творил красоту». У них тогда возник небольшой теологический спор, и о Бимбо забыли. А потом, несколько дней спустя, Дик продемонстрировал Кину мертвую мышь – не Бимбо, конечно. Бимбо в это время уже лежала в сейфе. Она уже не жила.

Нет, она еще не жила. Она становилась тем существом, которое и сейчас заперто в сейфе, где нечем дышать, где нет света, где много дней нет и пищи. А Бимбо живет. Кто это? Мышь? Или некое существо, похожее на мышь только внешне? Когда Дик изредка открывал сейф, Бет чувствовала ужас. Нечто подобное испытывал и Дик – Бет видела это по выражению его лица.

После того, как Дика отправили в клинику, сейф ни разу не открывали. Кроме ключа сейф запирался еще личным кодом, который Дик часто менял, каждый раз сообщая майору Рихтеру вовсе не то сочетание букв, которое устанавливал на самом деле.

После Бимбо были и другие мыши. Их препарировали – нужна была ясная клиническая и патологоанатомическая картина. Однажды, когда они гуляли вечером вдали от поселка и чужих ушей, Дик впервые рассказал ей толком о смысле экспериментов и о том, что ждет его и ее, Бет, потому что она должна быть с ним.

У него и тени сомнения не возникало – должна, и все. Бет хотела возмутиться – чисто по-женски, ей хотелось быть с Диком, она любила его, но не терпела, когда ей говорили, что она что-то «должна». Дик целовал ее, а все возмущение Бет выражалось лишь в том, что она была с ним холодна. Впрочем, надолго ее не хватило. Дик прекрасно понял, он всегда все понимал, в мире не было более чуткого мужчины, чем Дик Кирман, и Бет удивлялась, когда он рассказывал, что расстался с женой потому, что они не могли понять друг друга. Дика так легко было понять!

Впрочем, она, конечно, понимала не все. До сих пор она не сумела разобраться в том, как удалось Дикуну создать сверхсущество. Это слово промелькнуло в разговоре только раз, Дик не любил таких высокопарных выражений. Сверхсущество. Но как еще назвать мышь, которая живет без воздуха, еды, питья, которая то имеет хвост, то не имеет, которая как посмотрит, то сразу хочется умереть от страха. И Дик может стать таким же после...

Бет считала себя рационалисткой и разозлилась: нельзя быть такой дурой! Сидит в одиночестве, давая всем, и прежде всего майору, понять, что она что-то знает и боится того, что знает?

Когда в дверь позвонили, у Бет не было сил подняться. Звонили упорно, а потом заверещал телефон.

– Милая мисс, – сухо осведомился голос майора, – почему вы не открываете?

– Мне плохо, Пол, – слезы в голосе Бет были совершенно естественны. – Если необходимо, я...

– Прошу вас, – в голосе Рихтера не осталось и тени доброжелательности.

Бет заставила себя встать и доплестись до двери. Двум офицерам службы безопасности пришлось вести ее под руки. Когда она вошла в уже знакомый кабинет, она вдруг подумала, что играть ни к чему, потому что Дик пришел в себя. Она не сумела бы сказать, откуда у нее эта уверенность. Шестое чувство? Но она точно знала, что Дик очнулся и что скоро он будет здесь, чтобы забрать ее с собой.

* * *

В Вашингтоне с утра было жарко. Октябрь оказался на редкость странным месяцем. Сначала целую неделю шли дожди, а потом тучи незаметно рассеялись, и вот уже десять дней на небе не было ни облачка. Воздух постепенно прогрелся осенним солнцем. Вчера было еще терпимо, а сегодня стояла удушающая жара, и Сьюард едва не поджарился, пока шел по аллее от автомобильной стоянки. Войдя в Овальный кабинет, где было, конечно, прохладно, он все

же попросил разрешения снять пиджак, чем вызвал улыбку на лице госсекретаря, застегнутого на все пуговицы. Почти одновременно со Сьюардом пришел генерал Вудворт, председатель штаба биологической защиты.

– Начнем, господа, – в отсутствие президента, занятого в Сенате, совещание вел госсекретарь Вард. – Через полчаса придет Бобби, и мы должны будем что-то связно ему изложить, иначе я не завидую ни ему, ни нам.

Бобу Паттерсону, помощнику президента по связи с прессой, предстояло в час дня встретиться с журналистами, чтобы рассказать о судьбе Нобелевского лауреата Ричарда Кирмана. Точнее – о причине его исчезновения.

– Положение значительно осложнилось со времени нашего вчерашнего разговора, – начал Сьюард. – Кирмана пока не нашли, но это вопрос нескольких часов. Мы знаем, что из Нью-Йорка он вылетел в Карсон-Сити. Там он явился к своему приятелю, журналисту Уолтону, и провел у него ночь. Утром на машине Уолтона он выехал в неизвестном направлении. Поиск ведется, и здесь я особых сложностей не вижу. Проблема, как сейчас пояснит генерал Вудворт, в другом. Прошу вас, Барри.

– Я знаю Кирмана шесть лет, – генерал говорил медленно, подбирая слова. – В его характере есть особенность, на которую я давно обратил внимание. Индивидуализм плюс крайняя некоммуникабельность. С ним очень трудно сойтись. На базе Шеррард у него под началом была прекрасная лаборатория и больше сотни сотрудников, но наиболее важные эксперименты он всегда проводил лично, помогала ему только личная лаборантка и любовница Беатрис Тинсли. Майор Рихтер, наш офицер безопасности на базе, предпочитал не мешать, поскольку отчетность у Кирмана всегда была в порядке. Беда в том, что Рихтер не специалист в генетике, а усиленная секретность привела к тому, что Кирман оказался подконтролен только самому себе. И сложилась ситуация, когда Кирман начал работать практически на себя.

– Не понял, – резко сказал госсекретарь.

– Он проводил исследования, о которых мы ничего не знаем.

– Вы с ума сошли? Как это возможно?

– Это невозможно только теоретически. До некоторой степени виноват и я. Пять лет назад, когда Кирман начал на базе Шеррард работать над генетической бомбой по программе «Зенит», он был поставлен перед необходимостью отчитываться только перед особым отделом министерства обороны, минуя собственное начальство, поскольку положение было слишком серьезно, и мы не хотели никакой – понимаете, никакой – утечки информации.

– Не понимаю, – сердито сказал госсекретарь. – Вы не доверяете руководству базы?

– Доверяем, Ральф, не горячитесь. Решение принималось не мной лично, а всем составом комитета. Видите ли, если бы исследования по программе «Зенит» успешно завершились, приведение в действие дальнейших планов потребовало бы такой степени секретности, какой прежде просто не было. Можно допустить в принципе, что противник узнает о существовании нейтронной бомбы и даже сам создаст ее. Можно примириться с просачиванием сведений о химическом оружии. Это скверно, но не трагично. Применение нейтронного или химического боеприпаса не может сойти за природную катастрофу. Иное дело – генетическая раковая бомба, и...

– Я понял, – махнул рукой Вард. – Понял. Но все же...

– Это дело прошлое, – пожал плечами генерал. – Мы действительно ошиблись. И прежде всего – в прогнозе. Раковая бомба оказалась вовсе не такой эффективной, как представлялось вначале. В определении степени секретности мы тоже ошиблись. Короче говоря, два года назад программа «Зенит» была свернута, и финансирование ее прекращено, о чем командование базы не было поставлено в известность, поскольку изначально не знало о существовании такой программы. Так вот, Ральф, сейчас выяснилось, что все эти два года Кирман вел какие-то исследования, прикрываясь несуществующей программой «Зенит». Установить, что именно

он делал, сейчас невозможно, требуются очень опытные эксперты. Кирман распылял результаты экспериментов, перегоняя их по всей сети компьютеров министерства обороны. Везде у него есть свои программы, большая часть которых пока не обнаружена, а те, что обнаружены, защищены от взлома, и нужны не дни, а, возможно, недели, чтобы во всем этом разобраться.

– В общем, найти Кирмана живым совершенно необходимо, – резюмировал госсекретарь. – А журналистам скажем следующее. Кирман работал в лабораториях медицинских корпораций, сотрудничающих с министерством обороны. От работ, за которые ему присуждена Нобелевская премия, в последние годы отошел. Несколько месяцев назад, к сожалению, заболел. Положение критическое, в палату никого не допускают. Надеюсь, что хотя бы труп Кирмана вы сможете продемонстрировать? Я имею в виду похороны по высшему разряду...

– Да, – Сьюард энергично кивнул.

– Что касается исследований... Вы думаете, в этом есть что-то очень существенное?

– Я думаю, сэр, – сказал Сьюард, – что возня с журналистами и поиски Кирмана – ерунда. Главное – в этой странной работе.

– Верно, – поддержал генерал, – это и мое мнение. Ход «Зенита» я знаю, и если Кирман сумел в одиночку выбраться из тупика, в котором оказался два года назад...

– То что, Барри? – спросил госсекретарь.

– Это может дать кому-то власть над планетой.

* * *

Сознание включилось сразу. Кирман увидел над собой низкий свод пещеры, почувствовал, что лежит на острых гранях большого камня, но не испытал от этого никаких неудобств. Он продолжал лежать, хотя и понимал, что тело слушается его, и он может встать. Это, сказал себе Кирман, еще впереди. Мгновенно он вспомнил все и прислушался к тем точкам своего тела, которые источали боль и смерть еще несколько часов назад. Боли не было. Он перевел взгляд на поднятую руку и убедился, что это его рука – ни форма пальцев, ни длина их не изменились. Открытие немного удивило его – он предполагал, что хоть какие-нибудь внешние изменения должны появиться обязательно. Чтобы достать зеркальце из кармана пиджака, Кирману пришлось сесть. Движения были легкими и стремительными.

На него взглянуло худое лицо с запавшими глазами и ввалившимися щеками. Его лицо. Глаза смотрели остро и видели... Кирман неожиданно понял, в чем заключалось первое зафиксированное им изменение в организме. Он стал лучше видеть. В полумраке он различал мельчайшие детали не только на собственном носу, но и на стенах пещеры – футах в десяти. Различал малейшие оттенки цветов, хотя в такой темноте даже человек с прекрасным зрением вряд ли смог бы отличить коричневое от серого. Лицо его было именно коричневым. Кожа чуть темнее на подбородке и светлее на лбу. Ладони тоже стали коричневыми...

Кирман ощутил радость. Он готов был взлететь; это даже не радость была, а эйфория, ощущение беспредельной легкости духа. Он сделал это! Он создал себя заново! Именно себя, а не какое-то другое существо, ничего не знающее о собственном прошлом.

Кирман перенесся к выходу из пещеры – назвать свои движения иначе он не мог. Солнце стояло низко, он смотрел на оранжевый диск, не щурясь, любясь игрой оттенков на самом его краю. Кирман поразился красоте, вдруг открывшейся ему, и удивился на мгновение, как может октябрьское солнце так жечь. Он быстро понял свою ошибку. Изменились тепловые ощущения тела. На самом деле воздух не был горячим. Двадцать два градуса по Цельсию, подумал он с уверенностью в точности этой оценки.

Который сейчас час? – подумал Кирман и ответил себе: восемнадцать часов три минуты местного времени. Часы на запястье все еще показывали время восточного побережья. Что-то опять изменилось в его мозгу, и он понял, что не один здесь. Где-то неподалеку расположи-

лись в пещере мужчина и женщина. Им было хорошо вдвоем, но наступал вечер, и пора было возвращаться в Карсон-Сити.

Нужно уходить и мне, подумал Кирман. Нет, еще рано. Я не разобрался в себе. В том, что могу, а чего – нет. Сейчас это самое важное. Прежде, чем начинать новую жизнь в этом мире, нужно понять себя.

Кирман начал инвентаризацию памяти; делал он это методично, все глубже уходя в прошлое.

На поверхности лежало последнее воспоминание – гонка по утреннему шоссе, а чуть раньше был разговор с Уолтоном, казавшийся сейчас бессмысленным, потому что убедить друга Кирману не удалось... Назад. Побег из клиники. Боль. Еще раньше – мучительный перелет с базы Шеррард. Бет у трапа. Ее глаза. Единственный надежный человек. Никогда прежде – до встречи с Бет – Кирман не думал, что способен так полюбить. Лиз была эпизодом – долгим, мучительным, часто сладостным, но эпизодом. Бет стала самой жизнью.

Хорошо, подумал Кирман. Ничто из моих чувств к Бет не исчезло. Ничто. Значит, я прежний. Хотя бы в этом – прежний.

Еще раньше. Эксперименты, эксперименты, эксперименты. Почти пять лет. Военные называли это генетической бомбой, а он – управляемым онкогенезом.

Осторожно, опасаясь все же натолкнуться на стену, он начал вспоминать профессиональное: методику ограничений (рестрикции) онкогенной ДНК, методику, которую сам разработал и не опубликовал. (Изредка он посылал в «Nature» и другие журналы статьи, не имевшие отношения к его истинной деятельности, – имя Кирмана не должно было исчезнуть полностью со страниц научных журналов, ведь Кирман оставался всемирно известным ученым. Он говорил о себе: «Известный в пределах базы учены с мировым именем Дик».) Кирману удалось выделить онковирус, а затем и антивирус, это было обещающим началом работ над генетической бомбой, но до промышленного производства было еще далеко. Кирман делал все, что мог, отрабатывая деньги, которые получал, и в этом смысле совесть его была чиста. Но работал он, в сущности, над совершенно иной проблемой, лишь прикрывая свою деятельность ссылками на генетическую бомбу.

Когда он начинал все это, то не предполагал, что дистанция отмеренная им, окажется столь короткой и приведет его на больничную койку, а потом сюда – в пещеру к северо-востоку от Карсон-Сити.

* * *

– Господа, – начал помощник президента по связи с прессой, – я зачитаю заявление, а потом отвечу на ваши вопросы.

– Накажи меня Бог, – прошептал Роберт Крафт, репортер «Нью-Йорк таймс», на ухо коллеге из «Вашингтон пост», – сейчас он скажет, что Кирман очень плох, и на него лучше не смотреть. Когда помрет, тогда сколько угодно...

Так и оказалось. Заявление не содержало новой информации, из-за которой стоило бы срочно связываться с редакциями.

– Судьба Кирмана трагична и символична в равной мере, – закончил Паттерсон, – но работу его, несомненно, продолжат коллеги. Рак будет побежден, господа.

– Послушайте, мистер Паттерсон, – не выдержал Крафт, – мы с вами сотрудничаем не первый месяц. Зачем эти пустые разговоры?

– Мистер Крафт, – сухо сказал Паттерсон, глядя не на репортера, а в объектив одной из телекамер, – я зачитал текст официального коммюнике. Каждый из присутствующих получит копию. От себя могу сказать: ситуация, по-моему, настолько ясна, что я не понимаю причин

вашего повышенного интереса. Войдите, наконец, в положение смертельно больного человека. Вам нужна сенсация, а перед вами человеческая трагедия...

– Уважаемый пресс-секретарь, – Крафт тоже перешел на официальный тон; по рядам пробежали смешки. Все знали, что Паттерсон с Крафтом давно знакомы, не раз вместе обедали, отчего многие сведения перепадали первыми именно Крафту. Однако сейчас и он находился на голодном информационном пайке. – Перед нами именно человеческая трагедия, как вы изволили выразиться, которую вы почему-то превращаете в фарс. Нам не нужна сенсация, нам нужны факты, а уж сделать из них сенсация – наша профессия.

– Я и сообщаю факты, – начал Паттерсон.

– Которые не соответствуют действительности.

– Послушайте, мистер Крафт...

– Нет уж, послушайте вы, мистер Паттерсон. Если все здесь так ясно, то почему заявление делаете вы от имени госдепартамента, а не главный врач клиники от имени консилиума? Почему никто из врачей не захотел с нами разговаривать и перед прессой оказались закрыты все двери в клинику? Почему никто из нас не смог отыскать бывшую жену Кирмана? Почему в университете штата Нью-Йорк, где, по официальным данным, работает Кирман, его никто не видел уже года два? Почему Нобелевская премия присуждена Кирману за работы десятилетней давности – не потому ли, что за последние годы научная деятельность лауреата резко сократилась? И верите ли вы сами, мистер Паттерсон, что нам покажут Кирмана, пусть даже и мертвого? И если покажут, то кто сможет достоверно сказать, что умер он именно от рака?

– Я должен ответить на эти вопросы сразу или по очереди?

– Да как хотите? – Крафт пожал плечами.

– По первому вопросу: мы посчитали нецелесообразным отрывать врачей от работы – состояние Кирмана, повторяю, критическое. Прессу пока действительно решено в клинику не допускать – это распоряжение главного врача, и не нужно обвинять меня в том, что я его санкционировал. Бывшая жена Кирмана – потому и бывшая, чтобы делать то, что ей заблагорассудится. Я тоже не знаю, где она сейчас, и меня это не интересует. Что касается остальных вопросов, то комментариев не будет.

– Мистер Паттерсон, – подала из первого ряда голос Мэри Пенроуз из CBS, – ни в ваших ответах, ни в официальном коммюнике нет, к сожалению, новой информации. Все это мы и так знали...

– Весьма сожалею...

– Я закончу, если позволите, – спокойно продолжала Мэри Пенроуз. – Все это нашим зрителям, слушателям и читателям известно. Известно им также и то, о чем вы умолчали и что уже появилось сегодня в утренних газетах: Кирмана в клинике попросту нет. Еще вчера вечером он был похищен. Вот почему нам его не показывают. Вот почему клиника наводнена агентами из Лэнгли и вот почему от расследования фактически отстранено ФБР. Что вы скажете по этому поводу?

– У вас и ваших коллег, мисс, слишком богатое воображение...

Крафт вздохнул и начал пробираться к выходу. Пресс-конференция увядала на глазах. Паттерсон проследил взглядом за своим строптивым приятелем и перевел дух – кажется, конец. В это время из-за монитора вынырнул маленького роста мужчина и сказал:

– Кронинг из «Нью-Йорк геральд трибюн». Не поглядите ли, мистер Паттерсон, на фотографию, которую мы публикуем в нашем сегодняшнем вечернем выпуске?

Он пустил по рукам несколько экземпляров газеты, и в зале мгновенно возник шум. Крафт помедлил и вернулся на свое место. Перехватив экземпляр газеты, он взглянул на Паттерсона – лицо пресс-секретаря было бледно.

– Для телезрителей поясню, – сказал Кронинг. – Вчера под вечер фотограф-любитель Бакстон запечатлел своих друзей, с которыми встретился случайно на Йорк авеню недалеко от

Рокфеллеровской клиники. Он не придал снимкам значения, вечер провел в баре, а сегодня, прочитав о побеге Кирмана, подумал, что клиника могла попасть в кадр, и пересмотрел фотографии. Как вы можете убедиться, на снимке видна стена клиники. На переднем плане друзья Бакстона, а на втором нетрудно увидеть человека в синем костюме, чрезвычайно похожего на Кирмана.

Откуда взялся этот тип? – раздраженно подумал Крафт. Неужели «Геральд» не могла прислать в Вашингтон кого-нибудь побойчее? Что он тянет резину? Совершенно очевидно – на снимке Кирман. Очень четко. Вид замученный. Да, повезло «Геральд»... А Патриксону не позавидуешь.

Крафт перебрал газету сидевшему рядом репортеру, и ее тут же едва не разорвали на части. Слушать лепет Паттерсона он не стал. В дверях уже возникла небольшая давка, но Крафту профессиональными движениями угля удалось выскочить в коридор одним из первых. Репортеры на тропе войны, подумал он. Набег команчей. Крафт еще не знал, что самый сенсационный материал предстоит добыть именно ему, но предчувствие увлекательной работы уже завладело им полностью.

* * *

Задав наводящие вопросы, смысл которых сводился к выяснению возможных связей Кирмана за пределами базы Шеррард, Рихтер неожиданно переменял тактику и спросил о работе над программой «Зенит».

Бет отвечала односложно, она больше прислушивалась к своим ощущениям, чем к вопросам майора. Она знала, что Дик жив, что все удалось, что он пришел в себя, и хотя она не могла понять, откуда ей это известно, все же в точности своего знания Бет не усомнилась ни на мгновение.

– Повторите-ка, милая мисс, – сказал Рихтер. – Еще раз и желательно без научных терминов. Вы понимаете, что ваши показания будут проанализированы... Я вам немного помогу. О состоянии дел по «Зениту» вы были обязаны докладывать непосредственно в биологический отдел Пентагона, минуя нас. Верно? Финансирование «Зенита» было прекращено два года назад как бесперспективное. А вы продолжали работать, не так ли?

Прощупайте девчонку по «Зениту», сказали ему. Выясните, что получилось в результате, где хранится информация, кроме компьютерных сетей, если возможно, – коды доступа к файлам. И без спешки, майор, здесь важно не поднимать панику. И учтите, что эта Тинсли может, действительно, ничего о кодах не знать...

– «Зенит», сэр? Но ведь, как вы сами сказали, об этом мы не имеем права говорить на базе, приказ никто не отменял, и я...

– Милая мисс, не будем играть друг с другом. Вы не имели права говорить о «Зените», и два года назад я вас об этой программе не спрашивал, потому что сам не был информирован. Ситуация изменилась, вам не кажется? И изменили ее вы сами, вы с Кирманом. У нас нет времени ждать представителя биологического отдела министерства. А спросить у Кирмана нет возможности...

– Зачем торопиться? – сказала Бет обреченно. – Дика действительно нет, сэр, и как я подумаю, что он мог бы так обрадоваться... я об этой премии, сэр... Он ведь и не предполагал, что...

– У нас нет времени, – повторил Рихтер, не обращая внимания на слезы Бет. – Буду с вами предельно откровенен, мисс... Видите, я даже немного нарушаю данные мне инструкции... Последняя работа Кирмана и ваша, мисс, имеет чрезвычайное значение для обороны страны. Именно последняя, та, что вы вели, прикрываясь программой «Зенит».

Он помолчал минуту. Молчала и Бет, уставившись на Рихтера непонимающим взглядом.

– Я вам помогу... – сказал наконец Рихтер. – Кое-чего наши эксперты добились, хотя времени прошло очень немного. Вы продолжали заниматься мутациями информационной РНК. Вы хотели изменить программу считывания генетического кода таким образом, чтобы возникали клетки, еще более активные, чем раковые. Чтобы эти клетки были запрограммированы генетически на уничтожение раковых новообразований. Результат – организм возвращается к нормальному здоровому состоянию. Так сказать, воздействовать ядом на яд...

– Да...

– Но ведь не только это? Вряд ли только из-за этих выводов Кирман пошел на огромный риск, на продолжение экспериментов под прикрытием программы «Зенит». У него были какие-то личные цели. Думаю, что если мы начнем с целей, то доберемся и до остального, верно?.. Так что же ему было нужно? Слава? Но работа такой степени секретности славы добавить не может. Я просто рассуждаю, видите, и концы с концами не сходятся. Что еще? Деньги? Но Кирман зарабатывал не меньше ректора иного университета. Тогда что же?

Рихтер смолк, ожидая ответа. Молчала и Бет. Она знала, что и когда скажет, все это она репетировала с Диком и сейчас думала совсем о другом. Дик умница, он все правильно предвидел. И главное – он жив, значит, все хорошо. Дик нашел ее. Он говорил, что не знает способа, которым даст знать о себе, но был уверен, что способ окажется необычным. «Может быть, – сказал он, – мне достаточно будет подумать о тебе, и ты отзовешься. Ты сразу поймешь, что я думаю о тебе.» Бет была уверена, что сейчас Дик думает о ней. Где бы он ни находился, сейчас он думает о ней.

Рихтер удивленно и с нарастающим напряжением следил за переменной, происходившей с Бет. Разница между сломленной горем женщиной и этой Бет, что сидела сейчас перед ним, была поразительной: глаза ее горели, бледность щек сменилась румянцем, и даже размазанная тушь не производила неприятного впечатления. Рихтер ничего не понимал. Перемена произошла во время разговора. Может, он сказал что-то, послужившее... Рихтер помнил каждое сказанное слово, каждый жест. Нет, ничего такого. Может, она сама что-то вспомнила? Что? Важное настолько, что мысли об умирающем любовнике отступили на второй план? Женская логика, раздраженно подумал он. Лучше иметь дело с сотней мужчин-профессионалов, чем с одной экзальтированной девицей. Ей могло вдруг придти в голову нечто такое, что мне и не померещится.

Рихтер включил яркую лампу и направил свет в глаза Бет.

– Вы мне не ответили, – жестко произнес он.

19 октября, суббота.

Кирман шел быстро. Он шел уже третий час, но не чувствовал усталости. Иногда переходил на бег, но долго бежать почему-то не мог – ноги становились будто деревянными, отказывались сгибаться. Кирман в этом не разобрался, и незнание доставляло ему удовольствие. Он все время чутко прислушивался к своим ощущениям, каждое мгновение ожидая, что собственное тело преподнесет ему какой-нибудь сюрприз. Ночь была темная, луна еще не взошла, небо с вечера было затянуто легкой облачностью, до горизонта, сжатого здесь холмами, было рукой подать, и ни одного огня, ничего, что указывало бы на близость жилья. Собственно, вокруг был полный мрак, но Кирман прекрасно различал дорогу, точнее – узкую тропу, петлявшую среди нагромождения валунов.

Кирман шел и размышлял. Бет сидит сейчас на базе в обществе майора Рихтера, профессионального шпиона и доносчика, человека хитрого, но не очень далекого. И этот майор пытается вытянуть из Бет сведения, которые она и без того сообщит ему часом или двумя позднее, потому что так решил он, Кирман. Бет умница, она чувствует меня, подумал Кирман, понимает, что я жив, и я знаю, что она со мной, и это тоже новое качество моего организма, кото-

рому еще предстоит найти название, как предстоит еще придумать название моей способности видеть в полной темноте, идти вот уже три часа семнадцать минут, не чувствуя усталости, определять время с точностью до минуты, не ощущать никакой потребности в пище, слышать мысли других людей, как того фермера в пещере. Кстати, я уже давно не слышу ни его, ни его спутницу, с тех пор, как перевалил за холм, неужели это что-то вроде ультракоротковолнового излучения? Впрочем, утверждать нельзя... Вообще говоря, меня следует тщательно исследовать – желательно, разрезать и проанатомировать. Я и сам с величайшим интересом посмотрел бы, что и где у меня расположено внутри. Но вот вопрос – удастся ли меня разрезать?

Так что же сейчас главное? Цель. Для чего я? Для чего я такой, каким стал? Я придумал себя, создал себя, тогда же я придумал себе цель, воображал, что это замечательная цель. Я ошибался.

Странное это было желание, идефикс, – стремление к власти. Власть – вот чего я хотел, вот ради чего пошел на эксперимент, потому что мне было ясно: иным способом я никогда не получу никакой власти ни над кем, кроме, может быть, женщины, которая меня любит.

Подсознательно это желание было у меня всегда. С детства. Я просто очень долго не понимал этого. В этом было главное противоречие моего характера, вовсе не приспособленного для того, чтобы властвовать. Я провалил бы любую политическую акцию, если бы меня поставили во главе государства. В генетике я силен, да. Это моя страна, здесь мне вольготно, но в этой стране для чего мне власть над людьми, она бы мне только мешала. Черта характера – привык работать сам, ни с кем не делиться идеями. Этим моим качеством, кстати, ловко воспользовались. Разве я сам пришел к мысли сотрудничать с военными? Нет, они меня нашли и долго подводили к идее работать на базе. Когда я созрел, мне предложили, и я согласился. Только и всего.

Я мотивировал свое решение тем, что на базе можно спокойно работать, не заботясь о грантах, субсидиях и ежегодных конкурсах. А на самом деле хотел власти – только армия дает возможность командовать людьми так, как ты считаешь нужным. И когда я пришел к гипотезе о генетическом перерождении, когда понял, что разница между мной и обычным человеком, таким, к примеру, как Рихтер, которого я хотел переиграть по части секретов и почти всегда переигрывал, потому что был умнее, – разница эта может стать побольше, чем различие между Рихтером и обезьяной, когда я это понял, то какой оказалась первая мысль? Самому! Только самому! Потому что это – власть. Реальная, никем не контролируемая, бесконечно упоительная власть.

И тогда я решился. Промаялся несколько ночей, приводя доводы «за» и «против», с научной точки зрения, и с точки зрения политической, и с точки зрения военной, и с точки зрения морали, и даже эротики. Насчитал семьдесят три аргумента «за» и только восемь «против». А мог бы не считать аргументов, если бы был честен сам с собой, – ведь я знал, все равно знал, что сделаю это, потому что хотел власти, и, приводя аргументы, я только успокаивал себя, уговаривал как младенца, потому что боялся. И правильно боялся, ведь знал – будет боль, и еще раз боль, и незнание того, что случится в следующий миг, и, наконец, очевидная возможность умереть, потому что мыши – это мыши, методика – это методика, а я – это я. Я бы и дальше тянул, но нельзя было. Пришлось решать – или ставить опыт на себе, или сообщать о результате по инстанциям, прекрасно понимая, что, получив такой козырь, ни один военный не оставит его в моих руках, инициатива уйдет от меня навсегда. Если власть нужна была мне, то еще больше она нужна была тем, наверху, кто уже обладал властью, но хотел власти, еще большей. Для меня это стремление было подсознательным, для них – жизнью. Не мне было тягаться с ними в открытую. Вот почему ты решился на это, профессор Кирман, Нобелевский лауреат.

Неужели я не понимал тогда, насколько это глупо? Глупо не для меня лично, хотя и для меня тоже, – но глупо и безнравственно по большому счету! Цели в высоком смысле слова у меня нет. Эксперимент ради эксперимента. И это отвратительно, когда, поставив жестокий

опыт на самом себе, начинаешь понимать, что цель, к которой ты стремился, была ничтожной...

Неожиданно Кирман остановился. Дорога петляла среди холмов, ночь была темной, но дорогу он все же видел, а там, за холмами, он видеть не мог, но все равно прекрасно представлял себе все изгибы асфальтовой ленты. Что-то он сказал недавно во время перебранки с самим собой... Что-то... Да. Кирман, Нобелевский лауреат. Что это еще за мания величия? Нет... Не мания. Я действительно получил Нобелевскую премию. Присудили еще вчера, а объявили об этом сегодня днем. Как я узнал? В машине я радио не включал, да и рано было. Сообщили позднее, когда мне было не до радио. Я был попросту мертв. Потом...

Еще одна новая способность организма? Предвидение? Ощущение всего, что касается его личности? Способность принимать радиоволны?..

Кирман сосредоточил внимание на этом последнем предположении и ясно увидел перед собой лицо телекомментатора. «Нобелевская премия по биологии и медицине за 2001 год присуждена Ричарду Кирману за достижения в исследованиях, связанных с генетической природой онкологических заболеваний... Сведения из Нью-Йорка противоречивы. По сообщениям официальных источников, Кирман умирает от рака. По другим, и сведения эти представляются достаточно надежными, Кирман действительно находился на лечении в клинике Рокфеллеровского университета в Нью-Йорке, но вчера вечером скрылся... Перед вами фотография... История весьма интригующая, и я уверен, что в ближайшие часы мы сможем информировать наших телезрителей... По-видимому, нити тянутся в достаточно высокие сферы...» Передача прервалась рекламой, и Кирман отогнал ее, как назойливую муху. Фотографию он разглядел и себя узнал.

Смогла ли дорожная полиция обнаружить машину? – подумал Кирман. Я ведь могу узнать это точно, разве нет? Если я могу чувствовать телепередачи, то почему бы не...

Он сосредоточился и почувствовал, будто падает куда-то, но даже не пошатнулся – падение прекратилось, и он увидел Уолтона. Журналист лежал на диване и смотрел в потолок. Он думал о чем-то неприятном, мыслей его Кирман не ощущал, но общее состояние безразличия к самому себе уловил прекрасно. Предал, понял Кирман. Он представил троих мужчин, склонившихся над Уолтоном. У одного из них оттопыривался задний карман брюк, и, что самое смешное, в кармане – Кирман прекрасно это понял, не видя, – лежал завернутый в полиэтилен сэндвич. А Уолтон говорил. Он рассказал все, что знал. Все. И сейчас, лежа в темноте, испытывал такое чувство отвращения к самому себе, что впору вешаться.

Ну и вешайся, с неожиданной яростью подумал Кирман. Он мгновенно похолодел от этой мысли. Что-то, значит, осталось в нем от прежнего пещерного Кирмана, если он смог... Прочь! Ненависть к любому человеку, даже предателю, безнравственна. Бог с ним, с Уолтоном.

Ясно, во всяком случае, что до Карсон-Сити ищейки уже добрались. А может, добрались и до машины Уолтона, а там и до пещеры рукой подать. Это означает, что времени у него меньше, чем он рассчитывал. Времени – для чего?

Главное сейчас – вызволить Бет. А потом добраться до любого компьютера, имеющего выход в сеть министерства обороны и открыть все без исключения файлы с результатами работы, выпустить их в интернет – на всеобщее обозрение. Чтобы каждый человек на планете понял свое предназначение, чтобы каждый узнал, для чего живет и почему многие принимают мученическую смерть от рака, названного по глупейшей иронии незнания «болезнью века». Кирману вовсе не показался странным неожиданный для него переход от «я» к «мы», от власти для себя к идее счастья для всех.

Прежний план рухнул, и Кирман похоронил его в памяти без сожаления. Равномерный шаг не мешал думать, напротив – придавал мыслям определенный ритм. Кирман видел каждый бугорок на дороге, знал, что ждет его за поворотом, прислушивался к своим ощущениям. И в то же время спокойно и обстоятельно составлял план действий, анализируя собственную

жизнь. Он вскользь отметил еще одно новое свойство – думать одновременно о нескольких вещах, принял как должное, оставив на будущее анализ и этого изменения в своем многократно изменившемся «я».

Кажется, начинает светать. Чтобы вызволить Бет, мне
Здесь повернуть, дорога нужно попасть на базу. Это
идет правее, за пригорком необходимо и для того,
брод через ручей, и собаки, чтобы поработать с
если они спустят собак, компьютерами. Впрочем, о
потеряют след. Вот и ручей, компьютерах потом, эксперты
я видел его оттуда, откуда все равно не разберутся в
видеть не мог. Что это все кодировке, слишком много
же: способность видеть сквозь цепей задействовано. Не
предметы, предельно станут же они анализировать
отточенный слух (журчание!) все без исключения файлы в
или способность предвидеть сети. Кто им позволит?
будущее? А время позднее – А Бет... Рихтер отпустил ее
три сорок шесть. Почему я спать, я вижу, как она
уверен, что это точное лежит, даже чувствую, какой
время? Ощущение времени сон ей снится. Боже, как я
естественно для человека, но ее чувствую! Она все
ведь не с точностью до сделала правильно. Впрочем,
минуты. В генах этого не они больше озабочены моими
может быть. Или может?... поисками...

Кирман остановился. Ноги неожиданно подкосились, он опустился на песок и сразу лег, потому что даже сидеть было невыносимо. Мысли на мгновение смешались и опять разделились на два ручья. Усталости Кирман не ощущал, но встать не мог. Не было и голода – с самого вечера, с того мгновения, когда он очнулся в пещере. Тело все больше деревенело, казалось, что даже мысли потекли медленнее, сейчас все процессы в организме остановятся, и тогда он умрет, действительно умрет. Не навсегда – то того мгновения, когда взойдет солнце. Знание это было интуитивным, но совершенно твердым. При чем здесь солнце? – подумал Кирман.

Он физически ощущал, как отключаются в его теле отдельные клетки. Он жаждал света, но до восхода оставалось еще почти два часа, горизонт на востоке едва-едва начал светлеть. Неужели так будет каждую ночь? – с досадой подумал Кирман. Умирать с темнотой и возрождаться со светом? Почему свет? До последней минуты он прекрасно жил в темноте. А теперь... Его могут найти... Не найдут... В темноте... Все...

* * *

Сьюард приехал в Лэнгли рано. День предстоял критический. Срок, отпущенный Кирману врачами, истекал. Приходилось теперь ориентировать сотрудников на поиск не живого Кирмана, а, скорее всего, его трупа. В крайнем случае, придется загримировать под Кирмана какого-нибудь покойника и показать его журналистам. Съедят они это или нет – их проблемы. Сложнее с Крафтом из «Нью-Йорк таймс». Крафт умеет копать не хуже иного сыскного бюро, у него огромное количество знакомых и в самом Лэнгли. Вчера вечером эти знакомые должны были подбросить репортеру идею. Нужно проверить, как сработала наживка.

В оперативном зале ничего с вечера не изменилось. Дежурный офицер доложил сжато, картина получилась достаточно сложная и неприятная. В конце концов, Сьюард решил, что поиски трупа можно отставить на второй план. Труп он и есть труп, с ним не поговоришь, в смысле информации это нуль. Гораздо сложнее ситуация с «Зенитом».

Ясно, что Кирман продолжал работу по этой программе и после ее отмены. В Пентагоне допустили оплошность, секретность оказалась слишком высокой и, как это бывает в подобных случаях, привела к бесконтрольности. Возможно, что существуют и другие, пока не отмеченные, программы такой же степени секретности. Эту глупость, которая была не более чем следствием перестраховки, нужно было немедленно пресечь, и Сьюард отметил себе: поднять вопрос на первом же совещании с руководством министерства обороны.

А в данном конкретном случае искать выход из создавшейся ситуации придется ему, точнее – его ведомству. Глупое это занятие – вести разведывательную операцию по той единственной причине, что в собственном доме секретность превысила разумный предел. Хорошо бы свалить ответственность на директора, но шеф ЦРУ вернется только к следующему уик-энду.

Эксперты уже работают. В их доклад Сьюард вникать не стал, файл был короткий, строк тридцать, ожидать большего результата было бы нелепо, прошла ведь всего одна ночь.

Инцидент с мышью его поразил. Информация службы безопасности базы Шеррард была сухой, но емкой. Сьюард представил себе переполох, поднявшийся на базе, когда эта мышь сбежала из сейфа. Трудно обвинять в происшествии лаборантку Кирмана – Тинсли сама была посвящена не во все детали работы, да и недостаток образования сказывался. На допросах она не лгала – проверка на полиграфе показала это однозначно. Но здесь бы нюанс, понятный, по-видимому, и Рихтеру. Тинсли не лгала, отвечая на прямо поставленные вопросы. На непоставленные вопросы она, естественно, не отвечала, а как мог Рихтер прямо ставить вопросы по проблеме, в которой не разбирался? Тинсли вполне могла утаить важную информацию.

Сьюард представил себе, как майор Рихтер входит с группой экспертов в кабинет Кирмана. С ними Беатрис Тинсли и специалист по вскрытию сейфов. Майор пробует открыть замок с помощью последнего шифра, сообщенного ему Кирманом за неделю до отъезда с базы. Поменять шифр в течение недели не мог никто. Однако сейф не отпирался. Значит, Кирман сообщил неверный код, нарушив грубейшим образом инструкцию по безопасности. Кодовое слово состояло из шести букв, угадать его было практически невозможно, это ведь, скорее всего, было и не слово, а бессмысленный набор букв. Специалист по сейфам возился с замком до глубокой ночи, Тинсли валилась с ног от усталости, и Рихтер разрешил ей идти спать.

Шифр подобрать не удалось – замок вскрыли автогеном. Едва дверца распахнулась, всех, кто был в комнате, окатила волна животного ужаса. Им померещилось, в глубине сейфа прячется существо, от которого буквально разит ненавистью. Как понял Сьюард, описать толком свое состояние не смог впоследствии никто. Майор лишь успел заметить, что из сейфа выскочила мышь – интенсивно белая, с красными глазами. Мышь метнулась к двери и исчезла, после чего ощущение ужаса схлынуло, и мужчины бросились вдогонку. Специалист по сейфам, наверное, все же остался – по инструкции он не имел права отходить от вскрытого сейфа без приказа начальства.

Мышь промчалась по коридорам, и охрана, по-видимому, решила, что началась атомная бомбардировка: расстреляв в воздух обоймы автоматов, солдаты бросились в убежище.

Мышь исчезла. Тинсли сказала, что мышь Бимбо была одним из последних подопытных животных Кирмана. Она была заражена, умерла от рака, а затем возвращена к жизни, в результате чего с ней произошла метаморфоза, объяснить которую лаборантка не смогла. Кабинет опечатали, в сейфе не оказалось ни одного клочка бумаги, ни одной компьютерной дискеты – только мышь.

Информация о поисках самого Кирмана тоже была скудной. В дорожную полицию Карсон-Сити позвонил фермер и сообщил о сгоревшей машине. Автомобиль обнаружили быстро – это действительно оказался «феррари» Уолтона. Кирмана в машине не было. По мнению полицейского эксперта, Кирман сбросил в окраг пустую машину, а сам скрылся. Это вызвало сомнения, но местность все же начали прочесывать. Оперативная информация шла на дисплеи, но сдвигов пока не намечалось.

Сьюард был убежден в том, что затишье временное. В существование разветвленного заговора он не верил, в террористов, похитивших умиравшего ученого, – тем более. Была здесь, возможно, хитрость, о которой нужно догадаться. Сьюарду даже показалось, что он читал в отчетах или слышал от кого-то слова, связанные с этим очередным исчезновением. Перечитывать тексты Сьюард не стал и начал думать о другом, полагая, что подсознание само найдет решение.

Осталась проблема прессы. История с фотографией Кирмана – явный прокол ФБР. С коллегами из федеральной службы придется еще разбираться, а сейчас необходимо было решить: сдерживать усердие репортеров или направить это усердие по какому-нибудь ложному следу. Конечно, не все журналисты представляли угрозу для расследования. Большинство, понимая, что не им соревноваться с ЦРУ, выжидало. Но были и настырные, среди которых самый настырный – Крафт из «Нью-Йорк таймс». Действительно классный репортер с острым политическим чутьем. Назревавшие сенсации он чувствовал за сутки. Сьюард еще вчера, вскоре после брифинга, решил «повезти» Крафта на запад. Когда тело Кирмана найдут, пусть Крафт окажется первым, кто возьмет у мертвеца интервью. Ради Бога.

Вспомнив о своем решении, Сьюард опять ощутил легкое неудовольствие, будто он не учел чего-то, что может потом дорого обойтись. Подсознание пока молчало, а видимых просчетов в рассуждениях Сьюард не нашел.

До десяти, когда Сьюарду предстояло ехать в Белый дом на совещание, он должен был сделать еще немало – дело Кирмана, несмотря на срочность и важность, не было, конечно, единственным, требовавшим его внимания. Сьюард вызвал к себе руководителей отдела Латинской Америки и потратил битый час на выяснение обстоятельств очередного переворота в Коста-Рике. Перенеся продолжение обсуждения на 15.00, Сьюард взял подготовленную секретарем папку с полной распечаткой доклада (сюда внесли также новости, поступившие утром) и отбыл.

По дороге он просмотрел доклад, остановившись на последней странице. Оказывается, Крафт уже взял след. Его личные информаторы, один из которых был соответствующим образом обработан людьми Сьюарда, дали репортеру курс на Сакраменто (Карсон-Сити не упоминался – пусть Крафт поищет), и тот уже вылетел на запад.

Поиск самого Кирмана не продвинулся, хотя радиус действия групп довели до пятидесяти миль. На базе Шеррард эксперты продолжают работать. С мышью тоже происходили странности – ее не нашли, но базе то и дело вспыхивали очаги безосновательного ужаса. В шесть утра с поста у электростанции бежала охрана, в шесть тридцать в панике разбежался персонал столовой и так далее.

В Белом доме Сьюарда ждали. Шагая по ворсистому ковру, заглушавшему звуки, Сьюард неожиданно выудил из подсознания ту фразу, которая не давала ему покоя. Он остановился и даже чертыхнулся вслух. Если бы это было возможно, он вернулся бы в Лэнгли, прервал все линии поиска и повел расследование иначе. Главное – остановить Крафта. Не приведи Бог, если это будет в газетах. «Власть над планетой», – сказал вчера генерал Вудворт. Черт бы побрал Тинсли, которая, конечно, обо всем знала! Кирман поставил опыт на себе. Что-то с антивирусом рака, по-видимому. Что? Что, черт поберет?

* * *

Кирман пришел в себя, едва над пустыней взошло солнце. Встал и пошел. Утро было прекрасное, и вся живность, какая только могла водиться в этой части континента, вылезла из нор и сновала по камням и песку, между редких кактусов. Это мелькание, суeta сначала мешали Кирману, замечавшему все на расстоянии до сотни футов, а потом он как-то сразу

научился отсекать лишнее, не замечать даже ящериц. Он мог видеть все, но сейчас это было ему не нужно. Кирман шел на юго-восток.

База там. Бет проснулась, Жизнь только начинается. В сидит перед зеркалом, на душе сущности, я сейчас подобен у нее тяжело, сейчас опять младенцу, но, вместо того, явится майор и продолжит чтобы заняться изучением допрос. Бимбо сбежала ночью, своего тела, решаю совсем и ее не смогли поймать. другую задачу. Для чего я? Почему я так точно чувствую, Прежде мне не приходилось о чем думает Бет? А Бет – думать о смысле жизни так поймет ли она, если я с ней упорно. Сейчас это самое заговорю? Бет! Слушай и важное. Такими, как я, запоминай! Пойди к Рихтеру должны стать все люди. и скажи, что хочешь написать То, что произошло, – не все, что знаешь о «Зените». просто удача эксперимента. Начни с начала, пиши Это закономерный шаг в подробно, и главное – эволюции человека. Взрыв растяни работу до вечера. Все. эволюции. Уверен ли я, Она поняла. Она напряжена, что наряду с анатомическими застыла перед зеркалом, у нее изменениями у всех людей жар, какая-то волна восторга. произойдут и психические? Господи, неужели она так Почему я, возродившись, меня любит?... стал другим?

В сознание вторглась чужая мысль, и Кирман остановился. Приближалось массивное, неумолимое, секунду спустя Кирман понял, что по камням грохочет обычный «додж» дорожной полиции, в машине не меньше трех человек, и ищут они его, Кирмана. В небе тоже возникла тревога, чуть выше горизонта появился вертолет – до него было мили две, не меньше, и летел он не сюда, но следом за ним параллельным курсом летел второй, и раз уж так пошло дело, то район будет прочесан за какие-нибудь четверть часа. Скрыться здесь негде, пещер поблизости нет.

Ну и хорошо, подумал он. Мысли слились воедино, впрочем, что подсознательно он продолжал размышлять о многих проблемах сразу. Страх не было, не возникало и предощущения возможной трагедии. Пустыня скоро кончится, неожиданно подумал он. Еще минут десять быстрой ходьбы, и появится федеральное шоссе номер 50. Шоссе расположено южнее, нужно идти туда. Но это означает – выйти на открытое пространство, которое отлично просматривается с воздуха, а вертолеты приближаются. Ну и что? Разве это опасно? Сейчас Кирман больше доверял своим новым ощущениям, нежели логике, которая все еще бунтовала, неспособная примирить старые возможности его тела и духа с новыми.

Он заставил себя выйти на открытое пространство. С вертолета его сразу заметили, машина зависла над головой, но на довольно большой высоте, опускаться пилот почему-то не спешил.

Секунду спустя Кирман понял, о чем думает летчик. Собственно, он ни о чем не думал. Пилот смотрел на Кирмана сверху и жевал резинку. Но у сидевшего рядом с ним мужчины были сомнения, поскольку одежда Кирмана превратилась в лохмотья, да и внешность не вполне соответствовала портрету. Мужчина раздумывал, брать ли беглеца самому или посоветоваться с центром.

Прежде чем он успел сказать хоть слово в микрофон, Кирман принял решение. Оно было, вообще говоря, бредовым, но ничего иного, как ему почему-то показалось, он был не в состо-

янии сделать. Кирман решил притвориться эхинокактусом. Идея выглядела очень привлекательно. Он даже развеселился, будто предстоял ему ярмарочный балаган, а не борьба за жизнь.

Ну-ка, подумал он, посмотрим, кто кого. Он увидел себя глазами человека в вертолете. Увидел, как этот тип внизу, в пустыне, вдруг исчез. Он не мог исчезнуть, куда можно исчезнуть с поверхности огромного стола? Но среди кактусов никого не было. Не было, и все тут. Человек в вертолете показал пилоту, что нужно опуститься ниже, и пилот выполнил маневр, но тип, похожий на Кирмана, не появился. Более того, человек в вертолете поймал себя на мысли, что не понимает, для чего заставил пилота снизиться. Показалось что-то? Нет, вроде ничего не показалось. Он махнул пилоту – летим дальше. Пилот повиновался не без удивления, он-то ясно видел оборванца. Но в его обязанности поиск Кирмана не входил, он не знал всех данных, приказали лететь – он летел.

Машина удалилась на запад. Кирман шел, беззвучно смеясь. Он не помнил, чтобы за последние годы ему было так весело. Он начал понимать себя.

Хорошо будет жить на земле тем людям, что придут вслед за ним. Они не могут не прийти, физически такие же совершенные, как он. Он будет среди них, новых, одним из равных.

Только равным среди равных и имеет смысл жить на свете. Стать выше других – значит унижить. Стать ниже – унизиться самому. И то и другое противно человеческой натуре.

А разве не противно человеческой натуре то, что он намерен выполнить в ближайшие часы? Разве не противно натуре тайное проникновение на базу, где прожил пять лет, в лабораторию, где пять лет проработал над совершенно бесчеловечным проектом уничтожения целых народов? Разве мог он гарантировать, что генетическая бомба, будучи создана, не окажется сразу пущенной в дело? Даже он, создатель, смог бы только через десятки лет понять по газетным сообщениям, что бомба была когда-то взорвана: «умерли от рака», «меланома», «саркома»... И что бы он сделал тогда, поняв? Повесился? Проклял весь мир?

Я был нечестен даже перед собой, подумал Кирман. Я бы нашел оправдание. Если бы любое преступление не оправдывали высокой или низкой, но целью, мир стоял бы на месте. Развития нет в рамках одного лишь понятия добра. Нужно и зло, нужно противоречие, противостояние, тогда, побеждая, идешь вперед.

Кирман не хотел оправданий. Он подумал, что жить нужно так, чтобы не приходилось оправдываться за каждый свой проступок.

Появилась лента шоссе. Час был ранний, вчера в это время от только выезжал из Карсон-Сити. Вчера? Кирман вспомнил вчерашнего Уолтона, вспомнил, что именно Уолтон направил людей из безопасности на след друга, а потом искал оправданий своему поступку, и значит... Кирман понял, что поиски оправданий для Уолтона закончились, потому что он мертв. Кирман увидел комнату, в которой был вчера ночью, увидел и самого Уолтона глазами кого-то, склонившегося над журналистом. Уолтон лежал на полу, его только что вытащили из петли. Картинка вспыхнула и погасла. Чушь, подумал Кирман. Нет. Почему? Неужели поиски оправдания зашли так далеко? Кирман поборол мгновенный импульс – броситься в Карсон-Сити. Он еще не сопоставил своего внезапного ночного импульса ненависти с гибелью Уолтона. Нет, возвращаться в Карсон-Сити нельзя – там его ждут. Впрочем, его могут ждать и на базе, но там есть за кого бороться: там Бет.

Автострада даже в этот ранний час была полна машин, стоявших длинной цепью. Пост дорожной полиции расположился к востоку от того места, где Кирман собирался пересечь дорогу. Место просматривалось отовсюду. Притвориться кактусом? Гуляющим поутру, хорошая идея... Или псом? То, что удалось один раз, не обязательно удастся во второй. К тому же он взял внушением одного лишь пассажира в вертолете. Пилот остался вне воздействия. А если бы там было два пассажира? Или два вертолета, а не один? Здесь-то десятки людей, одних полицейских семеро.

Кирман пошел напрямик, стараясь не выпускать из поля зрения группу людей у полицейского поста. Здесь никого нет, думал он, только камни, песок и бетон. На него никто не обратил внимания. Он убедил их. За дорогой вновь начинались холмы, и Кирман поспешил укрыться за первым же из них.

Это только начало, подумал он. На базу нужно успеть сегодня, иначе Бет придется плохо. Эксперты могут, хотя это и маловероятно, разобраться в системе кодирования, вскрыть секретные файлы, и тогда информация будет для него потеряна. За десять часов, что остались до ночной темноты, он должен преодолеть девяносто миль, если идти напрямик. Хорошая половина пути лежит через горный хребет Уоссек. Вдоль шоссе или железнодорожного полотна почти вдвое дальше. Железнодорожная линия компании «Саузерн пасифик» пересекала шоссе. Он услышал приближение поездов: составы шли с юга и севера. Кирман легко определил, что поезд с юга будет здесь через две минуты, а с севера – через четыре. С юга шел пассажирский – Кирман вспомнил, что этот поезд уходил из Хоторна около трех часов ночи. Небольшой пассажирский состав – семь вагонов – промчался мимо.

Поезд с севера оказался товарняком. Полсотни цистерн и какие-то контейнеры. Машинист тепловоза был немолод, он был уроженцем Хоторна и ехал домой, где его ждали больше недели – он задержался в Сакраменто. Помощнику было все равно – приедем так приедем, нет так нет. Все равно жизнь прекрасна, утро замечательное, и девочек в Хоторне наверняка не меньше, чем в Карсон-Сити.

Все это Кирман ухватил мигом, и ему оказалось легко «поговорить» с машинистом. Поезд замедлил ход, и Кирман вскочил на подножку локомотива. Он остался на мостике, прошел немного назад, чтобы прямые потоки воздуха не очень мешали, за кабиной было нечто вроде щитка, и Кирман спрятался за ним. Рядом глухо гудело, урчало, мощная машина неслась вперед, скорость росла, машинист забыл о своем неожиданном поступке, он и не понял, для чего сбавлял скорость. До переезда через Ист-Уолкер – ближайшей к базе точке маршрута – оставалось три часа.

* * *

– Беатрис Тинсли, двадцать пять лет, не замужем, вероисповедание протестантское... Верно?

– Да.

– Допрос ведет майор Пол Рихтер. Прошу учесть, что сокрытие правды является уголовным преступлением...

– Я ничего не скрывала.

– Скрывали, мисс. Вы не лгали, вы просто недоговаривали. А нам нужно знать всю правду.

– Я могу написать все, что знаю, если...

– Обязательно напишете, мисс. Но прежде вы ответите на вопросы.

– Мне страшно, сэр...

– А мне, вы думаете, не страшно?

– Вам?!

– Да. Вас это удивляет? Почему? Вы ведь работали с этой проклятой мышью? Сейчас на базе всем страшно. Мышь спряталась где-то в районе пакгаузов, приблизиться туда невозможно. Чувство ужаса настолько велико, что все бегут... Вот так. Если бы вы предупредили заранее...

– Я не знала, что...

– Допустим. Сейчас речь о другом. С момента исчезновения Кирмана – вы ведь смотрели телепередачи и знаете, что он исчез, – прошли сорок часов. В том состоянии, в каком он был позавчера вечером, Кирман не протянул бы больше суток. Куда он мог пойти?

– Я... Простите, можно выпить воды?

– Нет. Отвечайте на вопрос.

– Сейчас... Подождите... Уберите свет. Я не могу сосредоточиться.

– Вам ни к чему сосредотачиваться. Говорите.

– Он мог вылететь в Карсон-Сити...

– Так, дальше.

– У него там друг.

– Его фамилия, профессия, адрес.

– Уолтон. Журналист. Семнадцатая улица...

– Дальше.

– Что... дальше? Спросите Уолтона, он...

– Мисс, мы вышли на Уолтона вчера. Кирман был у него прошедшей ночью и утром уехал. Куда и зачем?

– Спросите Уолтона. Может, он...

– Не может.

– Да, верно... Он повесился.

– Что вы сказали, мисс? Откуда вам это известно? Отвечайте!

– Откуда... Мне сейчас показалось, что кто-то... Погодите... Я поняла... Простите, майор, вы можете дать мне подумать две-три минуты? Потом я вам все скажу. Обещаю.

– Две минуты, мисс. Не больше...

... – Две минуты, которые вы просили.

– Я готова отвечать.

– У меня три вопроса. Первый и главный: где находится Кирман сейчас? Поскольку он, возможно, извините, мертв, то поставлю вопрос иначе: какова была цель его побега из клиники, где его нужно искать? Вопрос второй: в чем суть исследований, которые вы проводили под прикрытием программы «Зенит»? И третий вопрос: коды и адреса файлов, в которых Кирман хранит результаты экспериментов. Отвечать прошу коротко.

– Я начну со второго вопроса, если...

– С первого, мисс, я ведь должен отдать соответствующие распоряжения, время идет...

– Но я не могу с первого. Я просто не знаю, где находится Дик.

– Но вам известно, где он должен находиться, не так ли?

– Он выехал из Карсон-Сити на автомобиле Уолтона. Машину нашли?

– Мисс, откуда вы это знаете?

– Мне сказал Дик.

– Кто?!

– Дик... Ричард Кирман.

– Когда?

– Только что.

– Вы считаете меня идиотом? Где Кирман, я вас спрашиваю!

– Но я не знаю, сэр! Если вы будете меня перебивать... Я ведь обещала все рассказать...

– Послушайте, мисс, если вы надо мной не издеваетесь, то из ваших слов следует, что Кирман жив.

– Конечно.

– И что вы каким-то образом слышите, что он вам говорит.

– Да, сэр.

– Микропередатчик?

- Н-нет...
- Тогда почему я ничего такого не слышу?
- Дик говорит со мной. С вами у него не получается. Хотя... Он сейчас опять попробует.
- Что... Минуту... Да, понял. Аппаратная, внимание. Сейчас я от имени Ричарда Кирмана, лауреата Нобелевской премии по биологии и медицине, сделаю заявление.

* * *

Чем выше поднималось солнце, тем большую физическую силу чувствовал в себе Кирман. Есть не хотелось, и он подумал, что теперь никогда и не захочется, энергетика организма изменилась, как-то это связано с солнцем, хотя он пока не мог разобраться в причине. У мышей ничего подобного не наблюдалось. Как прямой источник биологической энергии солнце очень малоэффективно – фотосинтез растений тому пример. Противоречие было чисто научным, и Кирман подумал, что весь сейчас состоит из сугубо научных противоречий. Если ему не нужна пища, то какую функцию призваны теперь выполнять зубы, пищевод, желудок? Зубы у него пока были на месте, на одном даже сохранилась коронка, поставленная в прошлом году. Что ж, возможно, превращения еще не закончились, и ему вновь предстоит измениться? Когда? Как?

На большой скорости поезд проскочил несколько станций, Кирман освоился в роли пассажира-невидимки, и мысли его потекли было по нескольким не пересекавшимся руслам. Он начал раздумывать о том, как будет исследовать самого себя, как оптимизировать задачу для компьютеров, что предстоит сделать, чтобы выполнить новую для него жизненную программу – обеспечить всем людям достойное их будущее. Эта последняя проблема занимала его больше всего, и он не заметил, что приближается очередная станция. Поезд замедлил ход, и Кирман очнулся. В его планы не входило быть замеченным, и он перебрался в кабину машиниста. Он постучал в стекло, и помощник открыл ему дверку, не удивившись, а машинист и вовсе не обратил внимания на пассажира. Кирман подумал, что его способности к управлению чужим сознанием растут слишком быстро. Нужно быть осторожным. Вмешиваться только в самых крайних случаях. Не причинять людям вреда – вот его новое кредо.

Светофор был красным, но Кирман знал, – об этом думал машинист, – что задержка небольшая, через две минуты путь откроют. Кирман смотрел на светофор, ожидая сигнала, и красный погас, вместо него вспыхнул ярко-голубой. Состав тронулся, но в мыслях машиниста Кирман уловил недоумение – отправление дали раньше времени. Кирман поймал себя на мысли – это он захотел, чтобы сменился цвет. Черт, подумал он. Светофор не человек, ему не внушишь... Или... Кирман закрыл глаза, постарался не думать о цвете светофора. Поезд замедлил ход. Кирман открыл глаза – горел красный.

Неплохо бы поэкспериментировать, подумал Кирман. Если это психокинез, то проявился он довольно необычным образом. Чтобы изменился цвет, нужно что-то там внутри светофора переключить. Кирман понятия не имел, что именно. И все же... Избирательное действие? Чепуха. Скорее, избирательное действие на сознание диспетчера, который... А если переключение автоматическое? Скорее всего, так и есть...

Опять вспыхнул голубой, на этот раз без постороннего вмешательства. Поезд набрал скорость, Кирман стоял в кабине между машинистом и его помощником. Впереди была база, Бет, работа. Почему бы действительно не продолжить эксперименты в собственной лаборатории, в привычной обстановке, а всех убедить, что его здесь нет?

Мысль, конечно, нелепая. Кирман подумал, что за последние часы слишком доверился своему телу, своим новым способностям, и что-то в нем, какая-то часть сознания, оставшаяся от того, прежнего Кирмана, начала бесконтрольно навязывать поступки, которых он не должен совершать. Нельзя расслабляться.

Мысли его опять потекли параллельными потоками. Кирман вернулся на базу и увидел Бет с майором Рихтером, проникся ее страхом и непреклонностью и решимостью майора выколлотить, наконец, все из этой упрямой бабы, и тогда он, мгновенно успокоив Бет, занялся майором, но это оказалось слишком сложно, майор упорно не желал его слышать.

Что ж, подумал Кирман. Тогда я скажу всем. Не буду ждать, когда удастся получить информацию с компьютеров. Пусть все отложат свои дела, пусть все меня слушают. Пусть записывают. Кто способен записать, пусть запишет. Кто сумеет надиктовать текст на диктофон, пусть сделает это. И особенно – майор Рихтер. Он хочет знать правду – он ее узнает. Но только одновременно со всеми. Чтобы никто ничего ни от кого не мог скрыть. Пусть майор сообщит о моем послании начальству. Пусть и там, в Вашингтоне, послушают мою лекцию о предназначении человечества. Зло я этой лекцией не уничтожу. Но пусть все знают, что их ждет.

* * *

Крафт не считал бы себя профессионалом, если бы не сумел получить информацию от самого скрытного человека. Потом, правда он вовсе не считал себя обязанным повторять сказанное слово в слово на страницах газеты. Читатель всегда имеет дело с интерпретацией факта, у читателя нет времени заниматься анализом самому, выводы для него должен делать журналист. Анализ и выводы Крафта никогда не были тривиальны. Материал он брал крепко и только тогда, когда материал того стоил. Если бы ему сказали, что его выводы тенденциозны, он рассердился бы. Но они, конечно, были тенденциозны. Коллеги ценили Крафта именно за этот, неуловимый для непрофессионала, момент в журналистском творчестве: он не скрывал ни одного известного ему факта, не навязывал своего мнения, он только разбрасывал по тексту слова-вешки, и эта словесная россыпь меняла в сознании читателя любой факт. Создавала мнение.

В деле Кирмана Крафт увидел возможность обойти коллег. Они искали не там, где нужно. Так он решил, поговорив после брифинга со своими информаторами из Лэнгли и госдепа. Под вечер в пятницу он сидел за столиком в кафе на площади Лафайета, перед ним стояла огромная чашка кофе «эспрессо», из которой он отхлебывал большими глотками, не заботясь о производимом звуковом эффекте. Он уже успел поужинать и позвонить в Нью-Йорк – сообщить жене, что сегодня не вернется.

Чем больше он раздумывал, тем яснее ему становилось, что исчезновение Кирмана – не главная сенсация в этом деле. Что именно сделал Кирман – вот вопрос. Крафт не боялся, что военное ведомство (очевидно, что работа Кирмана финансировалась Пентагоном) устроит ему нелегкую жизнь. В печати то и дело появлялись разоблачительные материалы о Пентагоне или ЦРУ – мировая слава этих организаций, похоже, поддерживалась на должном уровне в немалой степени и в результате сенсационных разоблачений, а не только миллиардных бюджетов. Итак, что сделал Кирман?

Крафт положил перед собой копию утреннего доклада Сьюарда – материал для него добыл Амари, один из надежнейших агентов контрразведки, и Крафт был уверен, что без санкции начальства Амари никогда не пошел бы на такой шаг – документ был очень серьезным. Контрразведка почему-то хотела, чтобы Крафт взял именно этот след. Журналист был не против – след представлял интерес.

В последние годы Кирман работал на базе Шеррард на западе Невады и занимался генетическими исследованиями, связанными с распространением онкологических заболеваний. Чтобы выяснить подробности, нужно время. Это задача не на один день, копать предстоит глубоко и долго. Придется привлечь специалистов. Крафту и это было не впервой, но в данном случае время все же поджимало. Читатели хотели знать, что случилось с Нобелевским лауреатом лично. Интерес к его таинственным исследованиям еще предстояло подогреть.

Крафт поднес к губам чашку и, не отхлебнув, поставил на стол. Контрразведка хочет из Кирмана что-то вытрясти, будь он даже при последнем издыхании. Если человеку осталось жить считанные дни, что с него возьмешь? Впрочем... Ребята из Лэнгли могли взяться за Кирмана и несколько месяцев назад, и тогда... Вот, вот. Нужно поискать здесь. Всем известно, какими методами работают в службе безопасности. А тут еще и армия замешана. Если ему подсунили версию о том, что в Пентагоне и Лэнгли Кирмана ни в чем не подозревали, пока он не сбежал, то, скорее всего, все было наоборот. Спецслужбы давно вели ученого. Не желая о чем-то рассказывать, он, видимо, навлек на себя санкции. Попросту говоря, его могли подвергнуть допросу, вкололи наркотики, как это часто делается. Не рассчитали, и он немного тронулся умом. Поступать подобным образом с Нобелевским лауреатом они бы поостереглись, но кто хотя бы неделю назад знал об этом?

Допустим как версию. С Кирманом поработали, а когда он сдвинулся, поместили в клинику. Придя в себя, Кирман сбежал. Значит, не существует умирающего от рака ученого. Труп его, возможно, и будет, раз уж он обещан журналистам. Поскольку с Кирманом не удалось сговориться, его устранят, как только найдут.

Все логично, подумал Крафт. Но из этого следует, что брошенный ему крючок он заглотнет, но поплывет – пока, по крайней мере, – в другую сторону. Найти Кирмана, живого, оглушенного наркотиками, вовсе не умирающего от рака, – вот сенсация! Работами его можно будет заняться потом, когда парни из Лэнгли сделают свое дело, а они его сделают, не Крафт же им в этом помешает, действительно... Нужен лишь запас времени. Найти Кирмана хотя бы на час раньше, чем... Хорошая задача.

Крафт бросился в холл к телефонным кабинам. Подумал, что брошенная ему наживка слишком жирна. Он еще продолжал обдумывать эту мысль, когда на другом конце провода трубку поднял редактор газеты «Сакраменто ньюс» Эрик Симпсон. Он был в своем кабинете, на западе еще не наступил вечер.

– Вы, конечно, по делу, Роберт? – спросил Симпсон.

– По делу, – подтвердил Крафт. – Я занимаюсь Кирманом.

– Сейчас все занимаются Кирманом, – хмыкнул Симпсон. – Мы тоже. Только информации нет.

– Вы пробовали копать сами? Ведь Кирман работал в Шеррарде, это биологическая база армии в районе озера Уолкер, знаете?

Симпсон помедлил, и Крафт понял, что редактор впервые услышал об этом и, конечно, мгновенно сделал свои выводы. На это Крафт и рассчитывал.

– Благодарю, – сказал Симпсон, – за мной не пропадет.

– Ночью я буду у вас, – предупредил Крафт. – Вы сможете дать мне машину и помощника?

– Приезжайте, – коротко ответил Симпсон.

В аэропорту Сакраменто Крафта встретил сотрудник редакции и доставил к Симпсону домой – время приближалось к полуночи.

– Хотите, дам кое-что? – спросил Симпсон вместо приветствия. – Это идет у нас в утренний выпуск. Вы знали Уолтона из Карсон-Сити?

– Нет, это слишком мелкий городишко...

– Я так и думал, что вам, большим рыбакам, ни к чему знаться со всякой мелочью. Хотя, если вы занимаетесь Кирманом, то могли бы и докопаться. Уолтон был его другом.

Прокол, подумал Крафт. Он встречал фамилию Уолтона в списке знакомых Кирмана. Собирался заняться этим списком позднее, не удосужился даже узнать адрес.

– И что Уолтон? – спросил он.

– Его нашли повешенным в собственной квартире.

Крафт присвистнул.

– А незадолго до этого, – продолжал Симпсон, – его автомобиль был найден разбитым в четырех десятках миль от Карсон-Сити.

– К югу? – быстро спросил Крафт, представив в уме карту западных штатов.

– К северо-востоку. К сожалению, не в направлении на Шеррард, если вы это имели в виду...

Остаток ночи Крафт провел в отеле, а с рассветом выехал из Сакраменто на редакционном «форде». Дать помощника Симпсон отказался, Крафт не настаивал. Ехал он быстро, в кармане у него лежал свернутый трубкой утренний выпуск «Сакраменто ньюс» с заметкой о смерти Уолтона. Была помещена его фотография и глупая, по мнению Крафта, версия о том, что Уолтон покончил с собой. О Кирмане говорилось вскользь, сотрудники Симпсона сумели докопаться только до факты давней дружбы погибшего журналиста с исчезнувшим лауреатом. Сделать из этого материал они не сумели.

Крафт сказал, что поедет в Карсон-Сити, чтобы разобраться с делом Уолтона на месте, и пообещал «Сакраменто ньюс» права эксклюзива наряду с «Нью-Йорк таймс». Проехав миль десять и убедившись, что за ним нет слежки, Крафт справился с картой. Дорога на Шеррард была короче, если ехать напрямик через хребет Гранта, и Крафт свернул к югу по федеральному шоссе номер 49. Дорога шла в гору, час спустя, миновав Джексон, Крафт снизил скорость, потому что начался серпантин.

Он раздумывал и не находил в своей версии существенных изъянов. Основные события разыграются вблизи от базы или на ней самой. Наверняка служба безопасности сосредоточила там своих людей. Маскарад с машиной Уолтона рассчитан на публику. Уолтона заставили замолчать, потому что он разговаривал с Кирманом, – скорее всего, тот действительно явился к своему другу, не вполне еще отойдя от действия наркотиков. Может быть, не очень соображая, он поехал потом на север, а может, и по другой причине – проверить трудно. Что-то он Уолтону рассказал – видимо, так. Если люди из служб безопасности успели уже добраться до Кирмана, то искать его – мертвого или живого – нужно на базе. Не повезут же биолога в Нью-Йорк, где, вероятно, уже приближается второй акт спектакля под названием «Смерть лауреата».

Радио на этот счет ничего не сообщало – скорее всего, «час труп» в Нью-Йорке еще не наступил. В Колвилле Крафт остановился для дозаправки, выпил кофе, захватил его и с собой в термосе, прикупив несколько сэндвичей. От заправочной станции дорога вела под уклон – Крафт миновал самую высокую точку на перевале: судя по указателю, высота над уровнем океана составляла здесь шесть тысяч футов. Вид открывался изумительно-унылый. Вся юго-восточная долина была грубо-бурой с редкими вкраплениями пятен других цветов. Цвета были всякие, кроме зеленого, и к растительности не имели никакого отношения. Крафт знал, что дальше к югу пейзаж изменится – там есть ручьи, небольшие рощицы и даже прекрасная рыбалка в озере Уолкер. Но северная часть плоскогорья была, особенно сверху, похожа на Луну. До развилки на Шеррард и Хоторн было миль сорок, и Крафт преодолел их за полтора часа – муниципальная дорога номер 208 оставляла желать лучшего.

Когда до развилки оставалось около двух миль, Крафт услышал мерный рокот, ему показалось, что его преследует танковая колонна. Но это были не танки, а вертолеты. Семь машин летели с севера, довольно низко над землей на равном расстоянии друг от друга, выписывая в воздухе странные пируэты, будто танцевали вальс. Скрыться здесь было некуда, Крафт и пытаться не стал. Вертолеты пронесли над ним, не замедлив движения, и направились дальше на юг.

Развилку перегородил армейский патруль – джипы развернулись поперек всех трех дорог, не пропуская машины ни в одну, ни в другую сторону. Здесь уже скопилось машин десять, и среди них – огромный трейлер.

Крафт остановился поодаль. Он не знал, подействует ли его репортерское удостоверение, вполне возможно, что представителей прессы здесь не потерпят. Он прислушался – показалось,

что из радиоприемника вместо музыки (он все время держал волну станции Карсон-Сити) послышался голос. Голос был невнятным и звучал странно.

Крафт покрутил верньер – ничего не изменилось, и только тогда он понял, что голос идет не из приемника. Глас небесный, подумал он. Чревовещание. Он посмотрел на шоссе – там тоже что-то случилось, люди стояли неподвижно и, казалось, прислушивались. Психоз, похоже, был массовым. А поскольку никто не шел к народу в терновом венце ни с гор, ни по дороге, то мистикой здесь не пахло. Пахло сенсацией, той самой, за которой он ехал в этот райский уголок.

Мысль была интуитивной, просто чутье репортера, но в следующее мгновение голос возник ясный и чистый, действовал он гипнотически, и Крафт начал повторять слова, включив диктофон.

* * *

«Дамы и господа! Все, кто слышит меня! Говорит Ричард Кирман, лауреат Нобелевской премии по биологии и медицине 2001 года. Каждый лауреат имеет право прочитать свою Нобелевскую лекцию – обычно это происходит в декабре, после официального вручения награды, в зале Королевской академии в Стокгольме, где собирается цвет общества и даже сам король. Не знаю, какие события произойдут на земле за два месяца, и потому прочитаю свою лекцию вам и сейчас. Постараюсь говорить яснее, чтобы все поняли. Очень важно, чтобы вы поняли меня, потому что речь пойдет о будущем. О вашем и о будущем всех людей на земле.

Прошу внимания.

Много лет я занимаюсь исследованием генетической природы онкологических заболеваний. Гены и рак – идея эта, конечно, не нова. Вы знаете, вероятно, что генетический код человека, как и всякого живого существа, записан в структуре длиннейшей молекулы ДНК – в ней миллионы атомов, связанных друг с другом в строго определенном порядке. Это и есть «книга жизни», в которой записано о нас с вами все – какие у нас глаза, волосы, печень, сердце и даже черты характера. Возможно, что наших генах записано не только все, что мы есть сейчас, но и все, чем мы были в прошлом, все, что знали и помнили наши предки. И даже более того (я еще вернусь к этой идее) – все, чем мы можем стать в будущем.

Генетическая теория рака утверждает, что болезнь возникает тогда, когда в нашей «книге жизни» отдельные слова – последовательности молекул, называемые кодонами, – оказываются записаны неправильно. То ли мутация произошла, переставившая атомы с места на место, то ли где-то разорвалась цепочка... Все, что природа записала в ДНК, нужно прочитать, нужно понять, и нужно потом по этой программе построить белок нашего тела. Чтением «книги жизни» занимаются другие молекулы – информационные РНК. Так вот, если в «книге жизни» возникла «опечатка», то чтец – молекула и-РНК – не сумеет ее исправить. Чтец прочитает неправильно написанное слово и неправильно построит белок – это будет белок раковой клетки. И это будет смерть, потому что такая клетка начнет бесконтрольно разрастаться, пожирая организм.

Такова одна из моделей рака. Есть и другие модели, не в них дело. Мы пытаемся в лабораториях понять смысл «книги жизни», наш генетический код, и при этом слепо верим тому, кто эту книгу для нас читает, – молекулам и-РНК. Именно они разбирают цепь гигантской молекулы на отдельные слова – кодоны. Они находят нужное нам слово и читают его для нас. А мы ждем, каким окажется результат. Мы не читаем «книгу жизни» сами, доверяя это профессиональным чтецам, и только следим за их работой, иногда подсказывая: прочитайте, пожалуйста, такое-то слово... Они читают. А если чтецы нас обманывают?

Может быть, болезнь возникает не потому, что повреждена книга? Может, чтец по рассеянности неправильно прочитал слово, написанное по всем правилам генетической грамма-

тики? Может, он начал читать не той буквы? Или пропустил букву-другую? Результат один – развитие раковой клетки.

Генетики могут возразить – и возражали в свое время! Ведь давно доказано, что существуют молекулы ДНК, в которых заменено то или иное слово, и именно такие молекулы становятся виновницами возникновения онкологических заболеваний у лабораторных животных. Да, это верно, ну и что? К одному и тому же результату могут приводить разные причины, верно?

Вот причины, по которым я когда-то занялся исследованиями и-РНК человека – не книгой, а чтением. Я начал изменять и-РНК с помощью онковирусов, и сначала ничего не получалось – чтец становился попросту безграмотным, он терял свою способность строить белок. Время шло, и мне удалось мутировать и-РНК так, чтобы она читала неправильно лишь одно-единственное слово в длиннейшей «книге жизни». Мне удалось вызвать у лабораторной мыши рак печени. Удалось сделать и обратное – изменить и-РНК, чтобы «чтец» перестал читать ерунду, чтобы процесс раковых изменений приостановился. Это было десять лет назад. За те давние работы мне и присуждена премия.

Но те работы – вовсе не главное дело моей жизни.

Семь лет назад моими исследованиями заинтересовалось военное ведомство. Я сказал себе: открытия всегда использовались и для добра, и во зло. Это неизбежно. Мою работу можно использовать для того, чтобы лечить рак, но можно и для того, чтобы рак вызвать. Создать генетическую бомбу замедленного действия. Это будет бескровная, спокойная и, если хотите, мирная война, где нет даже агрессора, потому что спустя годы после запуска процесса кто сумеет найти начальный импульс, кто разберется в первопричинах взрывного увеличения числа раковых заболеваний?

Я понимал, что, если военные заинтересовались проблемой распространения онкологических заболеваний, то генетическую бомбу все равно создадут. Пусть уж лучше это сделаю я. Я получу возможность продолжать работу, имея финансирование куда более внушительное, чем в любом из университетов. Отдавая дань злу, я хотел творить и добро. А что потом перевесит на весах истории, какая из моих работ будет использована, а какая забудется – это, в сущности, не мое дело. Это дело политиков, я же не политик, а ученый.

Работа над генетической бомбой продолжалась, и если вас интересует, я скажу: генетическую бомбу мы сделали. Она еще не производится на заводах – точнее, насколько мне известно, не производится. Но это вопрос времени. Я не знаю ни одного открытия или изобретения в военной области, которое не нашло бы применения. Генетическую войну допустить нельзя, но я понял это лишь сейчас. И понял, что необходимо делать...

Несколько лет назад на базе Шеррард, здесь, на западе Невады, я вел исследования по сверхсекретной программе «Зенит». Была поставлена задача – создать генетическую бомбу максимально быстрого действия. За год от рака должно погибнуть население небольшой страны! Предстояло изменить и-РНК так, чтобы она читала неправильно не отдельные слова в «книге жизни», а целые страницы, главы. Всю «книгу жизни» от первой до последней буквы! Чтобы все без исключения клетки человеческого организма строились неправильно. Чтобы смерть наступала быстро, в считанные дни, а то и часы.

К счастью, из этого ничего не получилось, и программа «Зенит» была свернута из-за ее бесперспективности. Но я продолжал размышлять о причинах поражения и пришел к своей главной идее.

Вот она: «книгу жизни» невозможно читать неправильно. Чтец – как ни меняй его свойства – читает только то, что написано. Нам лишь кажется, что он что-то читает неправильно. Он читает иначе – да. Возникает раковая опухоль, и организм умирает? Да. И все равно – прочитано только то, что написано. Не больше и не меньше.

Из этого следует, между прочим, что рак – не болезнь.

Парадокс? Сущность его я и хочу объяснить. Слушайте внимательно. Повторяю: рак – не болезнь.

Знаете ли вы, сколько информации содержится в нашей «книге жизни»? В ее алфавите всего четыре буквы-основания: аденин, тимин, гуанин и цитозин. А в каждом информационном слове – кодоне – только три буквы. Разве можно даже сравнивать с многообразием английского языка, в алфавите которого двадцать шесть букв, а число букв в словах и вовсе неограниченно. Кажется, что генетический язык очень беден, верно? Но запомните – количество возможных сочетаний букв и вариантов слов даже здесь огромно: оно больше числа атомов в Солнечной системе! Для того, чтобы построить человеческий организм, такого количества информации просто не нужно.

Этот странный факт расточительности природы обнаружил больше тридцати лет назад замечательный биолог Эфроимсон. Существуют, видите ли, участки ДНК, где чтец не может вычитать ни единого вразумительного слова. Там есть буквы, есть и слова – но нет осмысленного текста. Пустые участки, бессмысленные сочетания. В генетической кладовой человека содержится информации в сорок раз больше, чем нужно. И эта лишняя информация никак не используется. «Книга жизни» очень похожа на письмо, написанное на неизвестном языке с вкраплениями отдельных знакомых слов. Собственно, мои коллеги-генетики были уверены в том, что это даже не письмо на неизвестном языке. Язык – знакомый или неизвестный – предполагает наличие какого-то смысла, который нам пока непонятен. А генетики считали, что в «книге жизни» больше всего обычного информационного шума. Попросту говоря – ерунда, абракадабра.

Вот из этой бессмысленной части ДНК и читал информацию чтец, когда его подвергали мутациям. Потому и возникали «бессмысленные» раковые новообразования.

Не всегда, между прочим, только раковые. Аналогичные «болезни» чтения – телепатия, телекинез, ясновидение... Мысль об этом возникла у меня примерно в то время, когда опыты по программе «Зенит» зашли в тупик. Программу закрыли, но я продолжал работать. Сделал самое простое, что мог, – занялся статистикой. По паранормальным свойствам человеческой психики написано много чепухи, но в куче глупостей я обнаружил и отфильтровал любопытный факт. Все люди, реально обладавшие паранормальными способностями, умерли от рака. Сейчас я уверен, что и все ныне живущие люди с такими способностями также умрут от рака, если, конечно, не попадут по машину или не будут убиты...

Я начал думать над этой проблемой. Не буду рассказывать, как мне удавалось проводить исследования под прикрытием уже отмененного «Зенита». Если доведется в будущем иметь дело с людьми из службы безопасности, я им все подробно растолкую. Для вас, сограждане, существенно другое. Я не сумел изменить «чтеца» так, чтобы он читал в «книге жизни» только информацию о телепатических свойствах. Или о телекинезе. Каждый раз возникала и раковая клетка. Что бы я ни делал с чтецом, результат был один. И лишь тогда я понял то, о чем уже сказал вам: рак – не болезнь.

Раковые клетки – это клетки не человеческого организма, и трагедия в том, что создаются они, строятся в теле взрослого человека, используя его как питательную среду, и не более того.

В нашей «книге жизни» нет ни одного бессмысленного слова. Если бы чтецу – молекулам и-РНК – удалось хоть раз прочитать весь текст, который мы лишь по неведению считали лишенным смысла информационным шумом, возникло бы новое существо, отличающееся от современного «хомо сапиенс» не меньше, чем мы отличаемся от обезьяны. Существо, весь организм которого построен из клеток, которые мы называем раковыми. Существо, обладающее способностью к телепатии, телекинезу и... Да много еще к чему – сейчас я не стану говорить об этом.

Именно так, я думаю, возник когда-то и современный человек. Произошли мы, вроде бы, от обезьян. Но каким образом мог случиться такой эволюционный взрыв? В незапамятные

времена молекулы и-РНК читали в генах обезьян информацию, необходимую для того, чтобы строить организм. Непрочитанных мест в ДНК оставалось очень много. «Чтец» не должен был читать ничего лишнего – он и не читал. Иногда, впрочем, это случалось – ведь происходили мутации. И тогда обезьяна погибала от рака. В ее организме начинали бурно возникать белки не обезьяны, а человека, «хомо сапиенс». И организм животного не выдерживал симбиоза.

Многие сотни тысяч лет в молекулах и-РНК происходили мутации, менялся способ чтения, пока не был найден единственно правильный. И тогда произошел информационный скачок. Эволюционный взрыв. «Чтец» начал читать организм по-новому – возник первобытный человек.

Конечно, мутации «чтеца» не происходили просто так. Только внешние обстоятельства – кризис в развитии вида – приводят к прыжку на следующий виток эволюции. Дальше проще. Наследственные признаки, полезные для видовой эволюции, закрепляются. Закрепился и новый способ чтения информации в «книге жизни». Несколько поколений (ничтожный для природы срок), и на Земле не осталось ни одной праобезьяны, по планете ходили люди.

Миновали десятки тысячелетий, и эволюция опять зашла в тупик. Человек как вид давно не развивается. Меняется окружающая среда, причем за последние десятилетия – катастрофически быстро. И природа опять начинает лихорадочно пробовать и ошибаться. В «чтеце» происходят мутации – он то так, то иначе пробует читать скрытую информацию нашего генофонда. Пробует прочесть так, чтобы сконструировать организм человека будущего. Не отдельные клетки, не часть – но целое. И вот вам всплеск онкологических заболеваний – бич двадцатого века.

Загрязнение среды, техносфера, наркомания, СПИД – все это факторы, к которым наш организм не может полностью приспособиться. Современный человек не в состоянии вновь стать единым целым с измененной природой. Человек должен измениться. И наш с вами «чтец», пробуя и ошибаясь, ищет в генетическом коде ту информацию, которая создаст человека будущего. В ДНК такая информация есть, она в тех сочетаниях букв, которые мы до сих пор считали бессмысленными.

Если для превращения обезьяны в человека понадобились, возможно, десятки поколений, то человек будущего может населить нашу планету на протяжении считанных лет. Зная, чего ждет от нас природа, мы можем ей помочь.

"Чтец" пытается прочесть в «книге жизни» информацию о человеке будущего, но клетки этого человека рождаются в нашем организме, не приспособленном для такого странного симбиоза. Попытка – и смерть. Попытка – и смерть. Рак, говорим мы. Как же быть?

Не хочу утомлять вас подробностями. Я нашел выход. Я нашел его в ускорении процесса перерождения. Вспомните программу «Зенит» – работу над генетической бомбой ускоренного действия. Параллельно я замедлил все защитные реакции организма. Максимально ослабил иммунную систему – назовите это новой формой СПИДа. Клетки будущего человека сначала существуют в нашем теле как паразиты, их слишком мало для того, чтобы они начали совместно функционировать как единый живой организм. А человек умирает слишком быстро. Нужно продлить процесс умирания до тех пор, пока раковые клетки не разрастутся настолько, чтобы даже после смерти организма-носителя они продолжили развиваться, и тогда этот новый организм сможет жить. Должен жить.

Два года назад все было еще зыбко, и я продолжал эксперименты скорее интуитивно, не имея надежного теоретического фундамента. Больше года я работал с мышами, а потом поставил опыт на себе. Я хотел стать совершенным вовсе не из благородных побуждений. Мне нужна была власть. Я думал, нет – был уверен, что, став на целую ступень эволюции выше других людей, смогу диктовать миру свои условия. Какие условия, я понимал смутно. Сейчас я вижу, что не понимал вообще. Когда мне было трудно и хотелось все бросить, я представлял себя во главе если не всей планеты, то государства, и это придавало мне силы...

Моя лекция подходит к концу. Я сумел изменить и-РНК так, чтобы она начала бурно и необратимо читать в моих генах информацию о будущем человеке. Внешне это был рак. Я не был уверен в том, что выживу. Знал: в те часы, когда информация пойдет против информации, когда новые клетки начнут насмерть биться со старыми, мне нужно быть одному. Там, где меня не смогут найти. Я ведь понятия не имел, сколько времени продолжится процесс перерождения и как я буду выглядеть в результате. Я все заранее продумал и в назначенное время бежал из клиники в Нью-Йорке.

Когда я начинал эксперимент, то знал, что, скорее всего, меня ждет одиночество. Я хотел одиночества, потому что это свойство власти. Я ошибался. Генетический код содержит сведения не только о структуре организма. В нем записаны и многие черты характера, то главное, что не определяется исключительно общественными отношениями, моралью, воспитанием.

Человек от природы зол – так говорят. Может, нечто такое и было в наших генах, генах «хомо сапиенс». Что-то, оставшееся от наших предков – обезьян. Новый человек, «хомо футурус», добр. Он неспособен намеренно причинять вред. Я хочу, чтобы об этом знали все. Я не стремлюсь к власти. Напротив, хочу, чтобы все люди стали такими, как я. Все равно это произойдет рано или поздно – эволюцию не остановить. Но лучше, чтобы это произошло раньше. К одному призываю вас, сограждане. Думайте!

Все, что вы слышали, – правда. Но не вся правда. Я не сказал ничего о том, что я умею, что могу, какие силы проснулись во мне. Это – потом. Думайте! Благодарю вас».

* * *

– Времени в обрез, – сказал Сьюард. – Без комментариев, только предложения.

В его кабинете собрались руководитель отдела разведки из Национального агентства безопасности Дэн Викланд, генерал Вудворт и госсекретарь Вард. Только что закончилась трансляция записи речи Кирмана, переданной из Шеррарда в исполнении майора Рихтера.

– Будем считать, что хотя бы три четверти этого бреда – правда, – сказал Викланд. Сьюард кивнул. – Кирмана нужно взять живым.

– Зачем? – вскинулся Вард. – Для широкой публики Кирман мертв. Через несколько часов тело его будет предъявлено журналистам и безутешным родственникам, если таковые найдутся. Если мы возьмем Кирмана живым, нужно быть абсолютно уверенными в том, что он не сбежит опять. А это, учитывая его возможности, о которых мы...

– Я вообще не представляю, что делать! – воскликнул Вудворт. – Кирмана слышали, похоже, десятки тысяч людей. Завтра слухи дойдут до Аляски!

– Слухи можно пресечь, – отмахнулся Сьюард. – Хуже, если кому-то, как Рихтеру, удалось записать. Впрочем, это не наша забота. Думаю, что такого рода записи удастся обнаружить. Давайте, господа, решать с Кирманом.

– Можно ли без него восстановить работу? – поинтересовался Вудворт.

– А нужно ли? – вмешался Викланд. – Вам нужна раса идеальных людей в собственной стране?

– Ну, я бы не стал так уж слепо верить всему, что он сказал о собственном характере, – поморщился Вудворт. – Я ведь знал Кирмана раньше... Думаю, что исследования нужны обязательно.

– Они продолжаются, – подтвердил Сьюард. – На базе работают. Может быть, эксперты так и не разберутся в системе кодировки и распыления результатов, которые использовал Кирман, но результат его со временем повторят, это очевидно. Черт подери, уже двадцать первый век, и то, что сделал один, можно повторить, если это наука, а не мистика. Я скажу свое мнение: Кирмана нужно найти и уничтожить без предупреждения. Я уверен, что он не лжет. Сеть прочесывания в районе Карсон-Сити была настолько плотной, что ускользнуть мог только мышо-

нок или невидимка. Кирман прошел. Судя по всему, он направляется к базе, и допускать его туда нельзя. Как это сделать, я не знаю. Если он что-то внушит охране...

– Согласен, – сказал Вард. – Полагаю, вы не ждали нашего согласия и уже отдали соответствующие распоряжения.

– Не ждал, – кивнул Сьюард. – Не убежден, однако, что на этот раз наша сеть сработает так же эффективно, как обычно. Есть, господа, еще один аспект проблемы. Пресса. Нужно учесть резонанс, который, без сомнения, возникнет.

Сьюарда беспокоила не столько армия газетчиков, сколько исчезновение Крафта, посланного им самим в Неваду, когда ситуация выглядела совершенно иначе. Крафт – очень опытный журналист, и если он находился в зоне внушения Кирмана, то прекрасно понял смысл речи и ее сенсационность. Слава Богу, Крафт не Кирман и не обладает неизвестными способностями. Однако его тоже пока не нашли. Известно лишь, что он выехал из Сакраменто в направлении Карсон-Сити.

– Итак, – сказал Вард, беспокойно сцепляя и расцепляя пальцы, – вам, господа, предстоит работа, а мне – доклад президенту... Жаль. Такая блестящая проблема. Новый человек! Делайте со мной что хотите, господа, но я считаю: слова Кирмана о непременном перерождении психики – блеф. Возможно, у прежнего Кирмана было в характере нечто такое, и ваши люди это упустили. А сейчас проявилось. Организм перерождается, но чтобы от этого менялась психика, убеждения...

– Может, вы и правы, – сказал Сьюард, – но вряд ли нужно исходить из такой посылки.

– С трупом осторожнее, – сказал Вудворт. – Мало ли что.

* * *

В полдень Кирман остановил поезд и спрыгнул с подножки. Дальше предстояло идти пешком – до базы отсюда ближе всего, колея изгибалась к юго-востоку, мимо озера Уолкер, а Кирман должен был пройти миль двадцать на юго-запад. Он помахал рукой машинисту и пожелал ему – вслух – счастливого пути.

Такого душевного подъема Кирман никогда еще не испытывал. Все ему нравилось – и небо, удивительно синее и глубокое, без единого облачка, со слепящим почти по-летнему солнцем, и пригретые, какие-то «домашние» скалы, и насекомые, бегавшие, прыгавшие и летавшие кругом. Раньше Кирман не замечал их: ему казалось, что найти в Неваде живность труднее, чем на Северном полюсе. Прошло почти двое суток с тех пор, как он последний раз ел, если можно назвать едой питательный раствор, который ему вводили в клинике, но ощущения голода он не испытывал. Кирман решил найти по пути какой-нибудь не очень колючий эхинокактус и попробовать его на вкус – для эксперимента. Теперь все, что он делал, являлось экспериментом. Сеанс телепатии с населением целого штата тоже был экспериментом, и Кирман вовсе не был уверен, что его на самом деле слышали хотя бы десять человек. Рассчитывал он в основном на майора Рихтера и его коллег, на журналистов, на политических деятелей.

Беспокоила судьба Бет, но эту проблему он пока обошел – приказал майору оставить девушку в покое. Отдавая мысленные распоряжения, он испытывал внутреннее неудобство, будто голым появлялся на людях. Ему трудно было внушить, чтобы человек совершил противоестественный поступок. Трудно не физически, трудно морально. Он не знал, что ему еще придется делать – такого, что будет противоречить новым моральным установкам. Нам нужен весь мир, думал он. Для нового человека нужна новая планета, свободная от лжи. И неужели для того, чтобы научиться не лгать, нужно лгать?

Кирман поднялся на пригорок и остановился. Милях в трех лежало озеро Уолкер, играя зелеными и голубыми бликами. Здесь, в камышовой заросли, водилась рыба, сюда слетались птицы со всего штата и даже из Калифорнии. В камыше на берегу впадавшей в озеро реки Ист-

Уолкер можно было бы скрыться на время, если бы не военные патрули – даже отсюда Кирман видел армейские грузовики и солдат, расположившихся цепью вдоль берега. Цепь тянулась на север и, надо полагать, опоясывала базу кордоном, проникнуть сквозь который действительно было трудно.

Со стороны базы появились вертолеты, а значительно выше, милях в четырех над землей, шел самолет сопровождения, наверняка оснащенный системой дальнего обнаружения. Хорошо взялись, подумал Кирман. Он и теперь не чувствовал беспокойства. Он еще не решил: миновать цепь незаметно или позволить солдатам обнаружить себя. В прямом противостоянии он мог проверить свои реальные возможности, но сам факт драки без четкого представления о последствиях вызывал внутреннее сопротивление. Непременно будут ушибы, ранения, а может и похуже... Этого нельзя было допустить, и Кирман выбрал скрытный вариант – вполне, как он думал, опробованный.

А хорошо бы полететь отсюда напрямик через озеро над стаями птиц, над голубой водой, над прелыми запахами осени. И – на базу, спикировать над поселком, Бет сейчас стоит у окна, в глазах слезы, она еще не пришла в себя после допросов Рихтера, в лаборатории ее не ждут, а те несколько типов, что топчутся под окном, – не помеха.

Почему, подумал Кирман, мне пришла в голову идея о полете? Неужели я смогу?.. Почему бы... Ведь все мы летаем в детских снах. Значит, в организме есть память о прошлом, а скорее – о будущем, о потенциальной способности, спрятанной в генетической памяти, как и телепатия, телекинез, и прочие странные возможности, но если способность к телепатии все же изредка прочитывается, то умение левитировать не читалось, скорее всего, ни разу, были только попытки и тогда – сны. Хорошо бы... Кирман понимал, что это игра воображения, у снов должно быть иное объяснение, левитация противоречит законам природы.

Размышляя, Кирман внимательно следил за вертолетами. Его еще не увидели, но машины приближались, и сейчас... через три секунды... через одну...

Меня здесь нет, подумал он, четко представляя, что видят сейчас экипажи вертолетов: скалы, песок, эхинокактусы, зеленую кайму озера и покрытые камышом берега реки. Никого. Конечно, приборы показывают, что внизу стоит человек. Но то приборы: техника, как всегда, ошибается. Никого там нет.

Самолет сопровождения слишком высоко, хотя что значит «высоко», на какое расстояние он способен внушать? С майором Рихтером у него был контакт – это около семидесяти миль, а здесь всего четыре или около того. Ерунда. Пилоты самолета тоже ничего не видят на своих экранах.

Кирман представил лица летчиков, когда они вернутся на базу и займутся записывающей аппаратурой. Там-то все останется. Можно внушить что-то людям, но не электронике. Или и ей можно? Не отвлекаться. Излишняя вера в собственные силы – опасный враг. Меня нет. А лучше, если бы не было их. Чистое небо.

Что-то изменилось. Для солдат, офицеров, следивших за воздухом, пока не изменилось ничего. Но Кирман видел: курс самолета изменился, и неожиданно машина свалилась в пике, ринулась к земле. Кирман ощутил холодное спокойствие пилота, которое сродни безотчетному ужасу и отличается лишь не утерянной пока способностью владеть собой. Срыв машины в пике был для него внезапен, как удар молнии, хотя, если бы у него было время поразмышлять, он вспомнил бы, что сам только что передвинул сектор газа и подал вперед штурвал. Самолет падал почти отвесно, крылья не находили опоры в воздухе. До земли оставалось мили две, и ничего не удавалось сделать. Командир отдал экипажу приказ катапультироваться, услышал три хлопка, сообщил на базу о катастрофе, все это заняло секунды, в течение которых он безуспешно пытался вывести машину.

Кирман смотрел вверх, время для него остановилось. Самолет падал почти неподвижно, три отделившихся предмета падали рядом, их вертело, один парашют раскрылся, но повис

длинной струей, второй был сразу смят ударной волной от падавшего самолета, третий не раскрылся вовсе. Кирман не мог остановить падение, но, сам еще не осознавая своих действий, попытался подхватить человека, у которого не раскрылся парашют. Тот будто повис на мгновение, отставая от самолета. Самолет врезался в скалы примерно в миле к северу, взрыв поднял в воздух тучу камней в бурой обертке пламени. Трое летчиков упали в этот огненный цветок.

Господи, подумал Кирман, я не хотел этого! Но он знал, что именно этого хотел. Он хотел, чтобы его не нашли, и именно это желание заставило пилота свалить машину в пике.

И еще Кирман понял то, что и раньше жило в нем подспудно, сдерживаемое не страхом, хотя, может, и им отчасти, но, скорее, неспособностью понять до конца собственные силы. Это было знание того, что Уолтон покончил с собой из-за его, Кирмана, неосторожного проклятия. Импульс ненависти, свойственный Кирману из ушедшего навсегда прошлого, достиг Уолтона и бросил в пучину бессознательного – не мог Джо, будучи в здравом уме и твердой памяти, сунуть голову в петлю.

Стоя на вершине холма и глядя на бушующее пламя, Кирман думал о том, что никто не подскажет ему правильной линии поведения, потому что он – это все будущее человечество, все, что еще не выросло, что еще только пытается пробить себе путь через наслоения генетической информации. Весь мир будущего – в нем. И каждый свой шаг, каждый поступок, любую мысль, самую сокровенную, скрытую в глубине его огромного и нераскрытого еще подсознания, он обязан контролировать, подчинять законам морали, той морали, которую он должен сам для себя установить, потому что нет морали вне общества, а общества ему подобных еще не существует.

Лицо Уолтона было перед ним и лица четверых пилотов. Он видел лица ясно, хотя и не мог знать этих людей. У командира экипажа были русые волосы ежиком, нос покрыт почти незаметными, но очень частыми веснушками, а второй пилот был черным и очень гордился своей службой в разведывательной авиации. Сейчас их нет, оба они и еще двое стали пеплом только потому, что собирались пойти против Кирмана. Пытались уничтожить все будущее человечество... Впрочем, это только слова, а в миле от Кирмана люди превратились в пепел.

Хватит, решил Кирман. Мучительные эти мысли не заняли и секунды, вспухли как неожиданная болезненная опухоль и были вырезаны скальпелем сознания. Не о том нужно думать. Прошлые ошибки не оправдывают будущих.

Кирман, не скрываясь, пошел к берегу. Вертолеты опустились вблизи от места катастрофы. Никто, судя по обрывкам мыслей и настроений, не связал гибель самолета с Кирманом. Нелепая, бессмысленная гибель.

Кирман миновал первую цепь солдат – это были десантники, – успел отразить их мгновенную настороженность, успокоил кивком, даже не мыслью, а тенью ее, с разбега плюхнулся в холодную воду Ист-Уолкер и побежал по скользкому дну, все больше погружаясь, и удивился, что бег его не замедлился, напротив, возросшее сопротивление будто придало ему упругость, вода приятно холодила разгоряченное тело. Шарахались прочь обезумевшие птицы, заросли камыша остались в стороне, а потом вода сомкнулась над головой, и перед глазами замелькали рыбешки. Никаких признаков удушья Кирман не испытал и только теперь обнаружил, что, собственно, и не дышит вовсе. И давно это? – изумленно подумал он. Память отозвалась, он вспомнил, что последний вздох сделал ночью, засыпая странным сном на тропе в пустыне.

Он шел вперед, вокруг становилось темнее, но Кирман видел все. Он видел тепло, тянувшееся откуда-то слева, и, приглядевшись, различил контуры большого ящика, который тускло светился, потому что был на полтора градуса теплее воды. Отходы, понял Кирман.

Через три минуты он достиг противоположного берега, начались заросли камыша, которые пришлось обогнуть, и, наконец, голова Кирмана показалась над водой. Берег – он понял это еще раньше – был пустынным, только птицы с клекотом носились над мелководьем. Десантников здесь не было, Кирман оказался внутри оцепления.

Господи, думал Кирман, ноги несли его со скоростью велосипедиста, мысль в этом не участвовала, на свете нет ничего дороже человеческой жизни, а я отнял ее у пятерых. Я обязан сделать так, чтобы никто на Земле никого больше не убивал. Если я не сделаю этого, значит, все напрасно. Я должен сделать так. Должен, думал он. Должен...

* * *

Первым делом Крафт проверил запись. Все оказалось в порядке, только темп необычный – он никогда не говорил так быстро. Впрочем, несмотря на скороговорку, он по профессиональной привычке не глотал окончаний и нарочито усиливал трудные для восприятия на слух места.

На развилке все еще была суматоха, но за прошедшие минуты число машин уменьшилось. Может быть, не все поддались гипнозу? Может, лишь он один стал жертвой этого... гм... вмешательства?

Материал был бомбой, его совершенно необходимо использовать. Вопрос – когда. Возвращаться ли на заправочную станцию, где есть телефон, и звонить в редакцию, в Нью-Йорк, или продолжить путь, надеясь на дополнительный материал? Очевидно, что Кирман где-то в районе базы. Мчаться к телефону смысла не имело – скорее всего, телефон редакции прослушивают, тогда начнется охота и на него. Даже если этого не произойдет, одна лишь речь Кирмана не произведет нужного эффекта, если там же не будет информации о судьбе лауреата и других подробностей этой невероятной истории.

Только сейчас Крафт вдумался в смысл того, что услышал.

Новый Кирман ненавидел смерть. Ненавидел ее и Крафт – в любом проявлении, даже если это была естественная смерть от старости. Гибель на войне он ненавидел втройне – слишком многое пришлось повидать ему в молодости. Репортером армейской хроники он прибыл в 1972 году во Вьетнам и два года писал о трупах – о трупах вьетконговцев, сожженных напалмом, и трупах американских морских пехотинцев, погибших в засадах, ночных стычках, а то и на собственных базах, атакованных внезапным ракетным ударом. Говорят, что к крови привыкаешь. Крафт не привык.

После окончания войны он вернулся домой, едва успел на похороны отца – тот сгорел от рака за считанные недели, не успев попрощаться с сыновьями. А год спустя, и тоже от рака, умерла мать. От рака, который, оказывается, вовсе и не болезнь...

В 1983 году погиб брат – он был кадровым военным и тоже ненавидел войну, но служил ей, потому что не умел ничего другого. Он погиб в Бейруте под развалинами американского штаба, взорванного ливанцами... Крафт работал тогда в «Чикаго дейли ньюс», вел политическую хронику. Он писал о взрыве, сдерживая эмоции, прекрасно понимая, что проклятиями не вернуть Майка. В наши дни – он имел возможность убедиться в этом – эмоции не ценятся. Нужны факты, причем даже и не всякий факт действует так, как того хочется. Крафт был очень разборчив в выборе тем, писал всегда точно и образно – если факт надежен и интересен, то не помешают и эмоции.

Его репортажи имели успех, он перешел в «Нью-Йорк таймс», но карьеры так и не сделал. В свои годы он мог руководить отделом, но это не было его призванием. Его призванием было давать информацию.

Что делать? – подумал Крафт. Он вник, наконец, в смысл того, что сказал Кирман. Человек будущего. Существо с неограниченными, по-видимому, возможностями. Такого репортажа он никогда не делал. О таком не писал никто. И не напишет, подумал Крафт. Хотя...

Многое зависит от того, сколько человек слышали речь. Вся страна? Штат? Во всяком случае, со стороны служб безопасности было бы проявлением беспечности позволить журналисту уйти или дать информацию в свою газету. Может, позвонить Симпсону в Сакраменто и

продать материал ему? Не получится. Наверняка они уже вышли на Симпсона. Звонить куда-то еще, рискуя потерять репортаж вовсе? Да и нет у него больше надежных знакомых. Итак, возвращаться бессмысленно. Ему не оставили выбора – они хотели, чтобы он стал свидетелем поимки Кирмана, и он им станет.

Крафт увеличил громкость в приемнике. Радиостанция Карсон-Сити передавала новости, это была местная хроника, и Крафт не дослушал ее до конца. Значительно ближе к базе расположен Хоторн, но частоту, на которой там ведутся передачи, Крафт не знал. Из Сан-Франциско передавали музыку. Крафт посмотрел на часы. В Нью-Йорке вечер, станция CBS начнет программу новостей через пять минут. Подождем.

Крафт вытащил из диктофона кассету с пленкой, тщательно запаковал ее в полиэтилен, внимательно осмотрев все возможные щели, а потом, выйдя из машины, отвинтил крышку бензобака и бросил туда пакет. Горючего было много, пакет погрузился без хлопков.

Программа CBS была короткой, вел ее Билл Харди, которого Крафт неплохо знал. Харди присутствовал вчера на брифинге, говорил о Кирмане в вечерней программе, значит, обязательно скажет и сегодня.

В клинике Рокфеллеровского университета рано утром скончался лауреат Нобелевской премии биолог Ричард Кирман. Американская наука потеряла... Любопытным оказался краткий комментарий. Оказывается, Билл сам посетил морг клиники, где журналистам показали тело Кирмана, совершенно истощенного болезнью. Харди взял интервью у вдовы ученого, оно будет передано в вечерней программе для женщин. Через полтора часа, отметил Крафт. Программа новостей кончилась, пошла музыка.

Что ж, ясно. Если они решились на фальсификацию трупа и даже сговорились с Лиз Кирман, то реальному Кирману не жить. Идея человека будущего никого не вдохновила. Охота продолжается.

Крафт включил мотор, решив разыграть неведение. Он едет в Шеррард, чтобы увидеть, как поймают полумертвого от страшной болезни биолога. За сутки он проделал длинный путь, радио Нью-Йорка не слушал, а местные программы ничего о судьбе Кирмана не говорили.

Когда Крафт доехал до развилки, там уже не осталось ни одной машины. Он предъявил водительские права и журналистскую карточку. Пока инспектор изучал документы, сравнивая фотографию с личностью предъявившего, трое в штатском быстро осмотрели автомобиль.

– Мистер Крафт, – сказал один из них, – мы вас ждали.

– Меня? – искренне удивился Крафт. – Вы хотите сказать, что этот заслон поставили ради моей персоны?

– Моя фамилия Додж, я лейтенант службы безопасности, вот мое удостоверение. Ищем мы, конечно, не вас лично, но и относительно вас у меня имеется четкая инструкция.

– Я работаю в «Нью-Йорк таймс», – сказал Крафт, – что выехал я именно сюда, известно В...

– Мистер Крафт, этот район небезопасен, и поэтому – только, повторяю, поэтому – мне приказано лично проводить вас. Подвиньтесь, пожалуйста, я поеду с вами.

– Точнее, я с вами, – усмехнулся Крафт, пересаживаясь с водительского места. Лейтенант сразу включил двигатель. Додж не сказал никому ни слова, и Крафт понял, что сценарий был разработан заранее. Сейчас кто-нибудь свяжется в начальством и доложит: «Мы его взяли, сэр...»

– Так вам известно, – начал Крафт, – куда я направляюсь? Я ведь репортер, а не вице-президент.

– Встречать вице-президента, – отозвался Додж, – выслали бы почетный эскорт и не со мной во главе.

– Куда мы направляемся? – настойчиво спросил Крафт.

Додж промолчал. Судя по направлению, ехали они в сторону базы Шеррард.

– Откровенность за откровенность, – сказал Додж минут через пять. – Я вам скажу, куда мы едем, а вы расскажете, что успели со вчерашнего дня дать в газету или кому бы то ни было.

– Вам прекрасно известно, – Крафт пожал плечами, – что ничего я в газету не давал. Мои репортажи всегда надежны, а я пока ничего надежного о Кирмане не знаю. Речь ведь идет о Кирмане, верно, лейтенант?

– Вот мы и направляемся туда, где работал покойный Кирман, чтобы вы могли получить надежную информацию. Вас это устраивает?

– Вполне, – сказал Крафт, потеряв интерес к разговору. Покойный Кирман... Если лейтенант намерен играть в эти игры, пусть играет с собой. Почему, однако, он не интересуется, что делал Крафт полчаса назад, во время этой гипнотической речи Кирмана? Думает, что Крафт ничего не слышал? Или не слышал сам? Или у него указание не касаться этой темы?

А ведь он боится, отметил Крафт, искоса глядя на напряженное лицо Доджа. Лейтенант вел «форд» по совершенно пустому шоссе, не выжимая и сорока миль в час.

– Вы не торопитесь? – вежливо осведомился Крафт.

– Здесь опасный район, я же вам говорил, – усмехнулся Додж и неожиданно спросил: – Скажите, Крафт, вы ничего не чувствуете?

Крафт устал, у него ломило в затылке, но это было все, никакого постороннего влияния на свою личность он не ощущал, если именно это имел в виду Додж. Однако вопрос навел Крафта на мысль, за которую он сразу ухватился, поверив интуиции и не продумав последствий.

– Да, – сказал он, изобразив на лице испуг. – Вы правы. Я давно чувствую, но не могу понять. Будто кто-то копошится в голове. Подсказывает. У вас тоже так, да? Очень неприятно...

Он помолчал секунду и заговорил монотонным голосом:

– Леди и джентльмены! Я, Ричард Кирман, обращаюсь к вам! За мной охотятся. Люди, помогите мне, спасите от врагов...

Додж остановил машину. Судя по всему, он раздумывал, скрутить ему Крафта немедленно или подождать, когда журналист начнет буянить. Удовлетворенный эффектом, Крафт полез в аптечку за таблетками.

– У меня нет желания на вас бросаться, – сообщил он. – И вообще, черт возьми, что это значит? Я сам не понимаю, что со мной.

– Ничего, – деланно бодрым тоном сказал Додж. – Возьмите себя в руки.

– Но что...

– Вам объяснят потом, – уверил его Додж, включил двигатель, и они опять поехали с черепашной скоростью. Крафт надеялся, что хотя бы через три часа при такой езде они все же доберутся до базы. Своей выходкой он, кажется, убедил Доджа в том, что с мысленными воззваниями Кирмана сталкивается впервые.

Не мешало бы отдохнуть, подумал Крафт. И действительно задремал.

* * *

С мышью удалось расправиться, и лишь после этого люди немного успокоились.

Последние два часа были ужасны. Хотелось одного – бежать в пустыню, на запад, на восток, к черту в пасть, только подальше от оупляющего, до икоты отвратительного страха перед каждым движущимся предметом. Рихтер, больше других знавший о причине охватившей всех паники, понимал, что поймать мышь не удастся. Она пряталась в одном из заброшенных пакгаузов, среди груды ящиков и картонных коробок, заготовленных к вывозу с базы и уничтожению. С дальней оконечности поселка, где ощущение страха, хотя и было сильным,

но все же оставляло возможность контролировать поступки, пакгауз был расстрелян из миномета. Мина разнесла ящики и коробки на множество обломков, и все кончилось.

Несколько минут никто ничего не соображал – сказалась реакция. Люди бродили как лунатики. Потом по трансляции выступил начальник базы генерал Йорк и объяснил происшествие нелепой случайностью – утечкой отравляющего газа, приготовленного для опытов над животными. Виновные будут строго наказаны.

Бет перенесла волну ужаса легче, чем остальные. После обеда она пришла в лабораторию, где доктор Кин с дотошностью инквизитора принялся расспрашивать ее о деталях работы с Кирманом.

Бет едва цедила слова, отвечая только на прямо поставленные вопросы, реакции ее были заторможены, она прислушивалась к чему-то внутри себя, и Кин, конечно, не мог догадаться, что Бет ведет нескончаемый диалог с Диком. После странной лекции, которую, судя по всему, слышали многие на базе, Бет не могла определить, где кончаются ее собственные мысли и где начинаются мысли Дика. Не разумом, а интуитивно – и скорее всего Дик здесь был ни при чем – Бет понимала, что опыт не удался. Не потому, что Дику не удалось стать иным, напротив, это ему удалось блестяще. Он хотел, чтобы они с Бет были счастливы вдвоем, и для этого ему нужны были власть и деньги. Бет его вполне понимала. Но, став другим физически, Дик изменился и характером. Он говорил с ней, учил ее, как нужно поступать, и Бет поняла: это не Дик.

– Скажите, Бет, – голос доктора Кина едва достигал ее сознания, – неужели Ричард помнил наизусть всю систему кодирования? Как вы полагаете?

Бет кивнула головой, слабо улыбнулась.

– Я ведь ничего не понимаю в этом, – сказала она. – Скажите, доктор Кин...

– Да, Бет?

– Вы сами... Верите во все это?

– Все мы, девочка, натерпелись за эти часы, поэтому сомневаться не приходится. Господи, да большего ужаса я в своей жизни не испытывал! Эта мышь... Я все думаю, что если бы она спряталась где-нибудь здесь, в лаборатории... Мы дрожали бы от страха до сих пор? Или генерал Йорк приказал бы разнести весь лабораторный корпус?

– Не знаю, – тихо сказала Бет, – я не о том. Не всегда ведь то, что получается на мышах, можно сделать с людьми, верно?

Кин помолчал.

– У нас есть доказательство, – сказал он, наконец. – Лекцию Дика вы слышали, как и я. Даже если он чудовищно все преувеличил, факт телепатического внушения не вызывает сомнений. И еще одно, Бет. Его до сих пор не могут найти.

– Я знаю, – кивнула Бет.

– Знаете? Кто вас сказал?

– Никто... То есть, Дик.

– Что вы, Бет...

– Я все время слышу его, понимаете? Иногда очень ясно, иногда почти неощутимо, но его голос никогда не исчезает совсем.

– Это трудно понять, – хмуро сказал Кин. – Бет, в этом шкафу биопсии с номера пять тысяч семьсот до девятисотой. Это не из тех, что шли по «Зениту»?

– Нет, – ответила Бет. – Это по проблеме семь.

– Пропустим, – сказал Кин. Проблема семь заключалась в выделении онковируса рака легких.

Они перешли к другому столу. Кин молча просматривал препараты, размышляя над тем, что услышал от Бет. У Бет подкашивались ноги, в голове стоял гул, будто после бессонной ночи, впрочем, ночь была действительно почти бессонной, но причина слабости заключалась

в другом – она не могла больше выдерживать нервное напряжение. Бет продолжала слышать Дика, и вместо радости, которую это доставляло вчера – Дик жив, он думает о ней! – она все больше раздражалась. Новый Дик ее ужасал. Мысль еще не была продумана до конца, но женская интуиция не могла обмануть – Бет любила прежнего Дика, а не нового. И если прежнего нет, то зачем все?.. Стремление Дика к всеобщей справедливости, желание одарить счастьем все человечество были Бет чужды. Господи, кому это нужно и зачем? Зачем? – кричала она в пустоту и знала, что Дик слышит ее немой вопль. И знала, что он не хочет понять ее. Как легко они понимали друг друга прежде!

– Доктор Кин, – сказала Бет, – извините, я больше не могу...

– Да, да, – сказал Кин. – У вас очень усталый вид, Бет. Но понимаете, я не могу отпустить вас сейчас. Командую ведь не я... В общем, вы посидите тихонько, я попробую разобраться сам.

Бет опустила голову на руки, лицо в ладонях, глаза закрыты. Но она все равно видела. Стало еще хуже. Когда разговариваешь, что-то делаешь – отвлекаешься. А сейчас она и с закрытыми глазами – с закрытыми даже лучше – видела уходившую во все стороны пустыню, столб дыма за холмом, фигурки солдат, и она знала: дым – потому что погибли люди, и убил их Дик.

Он не хотел этого, видит Бог! Бет, ты должна понять, что я не хотел. Почему все происходит так нелепо? Я знаю, что должен предвидеть все следствия своих поступков – и не могу. Может быть, пока не могу. Ясновидением я не обладаю и по-прежнему должен полагаться на собственные оценки, собственное понимание ситуации, свой жизненный опыт. А если этого опыта еще попросту нет? Бет, я чувствую – тебе не нужно то, чего хочу я. И я не в силах внушить тебе то, что понимаю сам. Нет, могу. Но не стану. Это все равно что убить. Убить тебя прежнюю и создать другую – для себя. Но это будешь не ты, и ты не простишь мне, верно?

Кто-то тронул ее за плечо. Бет очнулась. Рядом стоял майор Рихтер и еще двое мужчин. Бет с трудом поднялась на ноги, мысли Дика смешались, она отогнала их и вместе с ними – самого Дика, закрыла перед ним свое сознание, крикнула: «Не люблю!»

– Мисс Тинсли, – сказал майор, – это профессора Сточерз и Корнуэлл, биохимики. Они будут вести экспертизу по программе «Зенит». Введите их в курс дела, прошу вас.

Он повернулся и вышел. Бет показалось, что майор боится ее, будто в ней осталась какая-то частичка от Дика, будто и она может... Или ей только показалось?

Эксперты отошли в сторону и о чем-то тихо переговаривались с Кином. Почти неслышная речь вдруг привела Бет в состояние иступления. Она уже не понимала, что делает, как не понимает своих поступков наркоман, отлученный от наркотика. Что-то попало ей под руку, но бросить она не успела.

Все представлялось ей в замедленном темпе. Вот трое мужчин медленно оборачиваются, лица их начинают искажаться гримасами удивления, растерянности, Кин идет к ней, будто преодолевая плотную преграду, раздвигает грудью воздух, а она поднимает руку и все же не успевает, хватка Кина оказывается неожиданно крепкой, ей кажется, что он не просто хватается ее за руку, но выворачивает из плеча, и вся она распадается на части, на атомы, и гулко падает куда-то – не на пол, а глубже, в землю, где чернота и тишина.

* * *

Из-за горизонта медленно вырастали серые и нереально четкие контуры хребта Уоссек, изменился рельеф, начали появляться глыбы в рост человека, яркая белая точка блеснула в солнечных лучах далеко слева – это была покрытая снегом вершина горы Гранта. Кирман взял южнее, по его мнению база должна была вот-вот появиться.

Мысли текли в трех измерениях, и окружающее он воспринимал смутно. Глаза внимательно следили за окрестностями, уши слушали, ноги передвигались, и мозг при любом изме-

нении обстановки принимал мгновенные и правильные решения. Но мысль в этом не участвовала. За несколько часов Кирман решил проблему репликации мутантных генов – он знал теперь, как проводить эксперимент, чтобы создать человека будущего без мучительного процесса умирания от рака.

Идея была не новой – «чтец» должен читать информацию ДНК, не пропуская ни слова, уже с самого момента зачатия. Это очевидно, об этом Кирман думал еще год назад. Но возникла проблема несовместимости плода с организмом матери. Раньше Кирман полагал, что проблему удастся решить, лишь отказавшись от развития зародыша в женском организме, перенести оплодотворенную яйцеклетку в термостат. Сейчас он решил проблему иначе: вычислил в уме генетическую формулу онковируса, который должен паразитировать на развивающемся зародыше и служить своеобразным демпфером для несовместимых с организмом матери раковых клеток будущего ребенка. В любом случае для каждой женщины это ведь будет разовый процесс – родить одного ребенка с новой геноформулой, о дальнейшем позаботится эволюция. Одно поколение – и на Земле будут жить люди, так же отличающиеся от современных, как майор Рихтер от обезьяны.

Одновременно Кирман размышлял о собственном месте в мире, вовсе не приспособленном для людей его типа. В свое время обезьяна, рожавшая первобытного человека, не понимала, что происходит, и это спасло ее от психологического шока, а новорожденного «хомо сапиенс» – от ненависти соплеменников, с которой ему пришлось бы бороться.

Сейчас все иначе. Не физическое совершенство Кирмана, не его необычные способности заставляют людей из служб безопасности травить его, чтобы уничтожить. Напротив, сами по себе способности куда как хороши – десантники, убивающие силой мысли, форсирующие любые водные преграды, способные, возможно, выжить даже в открытом космосе, люди, которым не нужен паек, – какая находка для армии! Это не генетическая бомба, не противника нужно заражать, а – себя. И вперед! Но... не получится. Потому что за все нужно платить. И если физическому совершенству неизбежно сопутствует совершенство духовное – лишь мысль об убийстве вызывает судороги! – то такой человек не нужен. Он опасен. Его необходимо уничтожить.

Одновременно Кирман думал о Бет. Она исчезла, он не слышал ее, он всеми силами старался пробить туннель в ставшем вдруг неподатливым пространстве, и хотя расстояние между ним и базой сокращалось, он не мог уловить ни единого вздоха Бет, ни единой даже не мысли ее, а отблеска, ощущения. Звал и не получал ответа, и слышал лишь ее последние слова, обращенные к нему. Не люблю! – кричала она. Почему? И что теперь делать? Он не может без Бет, потому что... Потому что... Логика отказывала, и ответа не было.

Я люблю ее, подумал Кирман, и это есть ответ. Все изменилось во мне, кроме этой способности любить. Я не имею права любить, я приношу несчастья. Я должен отказаться от Бет. Должен.

Он убеждал себя в этом и не мог смириться. Не хотел.

Вдалеке на склоне холма знакомо протянулась ограда из колючей проволоки – внешняя граница базы, растянутая на полтора десятка миль по пустыне. Пропускной пункт находился южнее, и Кирман свернул влево. Неожиданно он почувствовал странную скованность в ногах. Будто ступил в вязкую жижу, в которой увязли щиколотки. Он остановился. Сделал шаг – скованность не исчезла. Шаг на юг – трудно, на север – легче. Кирман пошел по кругу, широко расставляя ноги. Он подумал было, что какой-то из его новых инстинктов сопротивляется приближению к базе, но быстро понял, что это не так. База была нейтральным фактором, и Кирман разобрался, наконец, что труднее всего двигаться на юго-восток, легче всего – в противоположном направлении.

Солнце! – понял он. Это выглядело смешным, но простой эксперимент быстро убедил его, что так и есть, – Кирман, как подсолнух, стремился к солнцу, которое стояло на закате.

Все-таки он многого не понимал в себе. Его организм не нуждался в пище, черпая энергию от солнца, но такая жесткая зависимость, как сейчас, еще не проявлялась. И все это более чем невероятно. Энергией солнца питаются растения – никаких движений, только рост, не более того. Конечно, эффективность хлорофилла очень мала, солнечные батареи, созданные людьми, дают куда больше энергии. Может, и его новая кожа стала такой естественной батареей?

Кирман посмотрел на свои руки. Руки были обыкновенными, сосуды шли так же, как прежде, – он отлично помнил их расположение. Остались и папиллярные узоры на пальцах. Изменился только цвет, ставший коричнево-золотистым. Какой химический состав сейчас имеет его кожа?

Как все интересно! Вот проблема, за решение которой нужно присуждать Нобелевскую премию, а не за ту малость, что делал он десять лет назад. Кирман принялся обдумывать контрольные эксперименты, но оборвал себя. Главное сейчас – как провести ночь. Если зависимость от солнца так существенна, то очевидно, что процессы в его организме замрут, как это произошло прошлой ночью. Что может заменить солнце? Прожектор? Но какая именно часть солнечного спектра необходима для выживания? Кирман был почти убежден в том, что не та, которую воспринимает все живое, скорее близкий или далекий ультрафиолет – энергетически это выгоднее. Еще лучше жесткое излучение, но солнце его практически не дает. На базе нет ядерного реактора или ракет с ядерными боеголовками – проверить свою способность поглощать энергию распада не удастся. Здесь единственный источник энергии – электричество. Придется попробовать, что еще остается? Пока светло, нужно попасть на базу.

Кирман направился к серой ленте шоссе, тянувшейся с севера и огибавшей проволочное ограждение, чтобы влиться с южные ворота. У шоссе было много солдат, и Кирман направился севернее, тем более, что приходилось идти на закат, это было легко. По дороге несколько раз проехали армейские грузовики, промчался легкий танк. Кирман шел, не торопясь, внимательно слушал мысли десантников, точнее – их эмоциональное состояние. Солдатам было скучно, но, поскольку приказ нужно выполнять, смотрели они по сторонам достаточно внимательно. Они уже приметили существо, трусившее из пустыни к дороге. Кирман представил себя собакой – несколько псов, он хорошо знал, кружили около базы. К псам давно привыкли и подкармливали.

Появление пса немного развлекло десантников, они свистели, улюлюкали, кто кинул ему кусок колбасы, кто-то швырнул камнем, от которого Кирман легко увернулся. Он вышел на шоссе и пошел на юг, против солнца, и ноги опять начали заплетаться.

С севера его нагонял, урча мощным мотором, автомобиль. Кирман оглянулся – это был оранжевый «форд». Увидев посреди дороги пса, водитель затормозил, и тогда у Кирмана мелькнула идея.

Он быстро разобрался в состоянии двоих, сидевших в машине. Один, за рулем, – лейтенант службы безопасности. Второй, элегантный мужчина средних лет, сосредоточенный на какой-то мысли, которую Кирман пока не мог понять, – сидел рядом и, кажется, побаивался своего спутника. Кирман попросил водителя остановиться, что тот и сделал, и даже открыл псу заднюю дверцу. Мимолетно Кирман отметил изумление десантников – собака в машине, не глупо ли? Но относительно псов указаний не было – если водитель свихнулся, это его личное дело.

Кирман сел на заднее сидение, машина рванулась. Лейтенант Додж смотрел на дорогу, забыв, что теперь их в машине трое. Не обращал он внимания и на журналиста, а Крафт, обернувшись, разглядывал мужчину, одежда которого превратилась в лохмотья, кожа отливала коричнево-золотистым, а глаза... Глаза светились таким неземным огнем, что оторваться было невозможно. Крафт смотрел и чувствовал, как поддается гипнозу и рассказывает о себе все, не произнося ни слова.

Он мчался сюда, чтобы найти Кирмана, и нашел его. Странное дело, лейтенант не обращает на них внимания, смотрит только вперед. У шоссе стоят солдаты, грузовики, бронетранспортеры, легкие танки, с запада прошли над шоссе вертолеты. Кирман что-то сказал Доджу, Крафт не расслышал, и машина обогнала несколько грузовиков, направлявшихся к базе. Крафт увидел впереди, справа от шоссе, невысокие строения. База занимала гораздо большую площадь, чем он предполагал.

– Могу я чем-нибудь помочь вам? – охрипшим от волнения голосом спросил Крафт.

– Вы уже помогаете, – быстро сказал Кирман. – Я все знаю, не беспокойтесь... пока.

Крафт кивнул.

– Весь материал будет вашим, – улыбнулся Кирман. – Я читал ваши репортажи. Они мне нравятся. Хорошо, что здесь оказались именно вы.

– Спасибо, – сказал Крафт. – Что я должен сделать?

– Пока ничего. Молчите и слушайте.

Будто легкая ладонь коснулась затылка, и Крафт услышал чуть измененный голос Кирмана, тот самый голос, что звучал в его мыслях несколько часов назад.

– Вот мои планы, – услышал он. – Лейтенант привезет нас на базу, на контроле не должно быть осложнений. На нас не обратят внимания, и вы тоже на время обо мне забудете. Потом мы лейтенанта высадим, и он доложит начальству, что репортер Крафт через его пост не проезжал. Поскольку это не так, то за лейтенанта возьмутся, и по крайней мере до утра он для нас безопасен. Мы же с вами оставим машину и отправимся искать. Что именно – скажу потом.

"Форд" подъехал к шлагбауму и остановился. У сидевших впереди лейтенанта и журналиста были отрешенные взгляды. Проверка документов продолжалась больше времени, чем обычно. Машину осмотрели со всех сторон, заглянули в багажник, даже лазили под кузов. На Кирмана и Крафта никто внимания не обратил, документы потребовали только у Доджа. Дверцы захлопнулись, шлагбаум поднялся.

Второй пост миновали быстрее, и «форд» въехал на площадку перед штабным корпусом. Остановились.

– Спасибо, лейтенант, – сказал Кирман, – доставили нормально. Сейчас, пожалуйста, пойдите к Рихтеру и постарайтесь объясниться. Ваши проблемы.

Додж вывалился из машины. Кирман перебрался за руль, и «форд» помчался вдоль лабораторий к жилым корпусам поселка и еще дальше – к энергетической станции. Обычно малолюдное, это место сегодня было полно солдат. Солнце опустилось за горизонт, и в разных концах базы вспыхнули яркие прожекторы, освещая обширную территорию от аэродрома на юге до пустыни на севере. Это был блеклый и бесполезный криптоновый свет – Кирман сразу понял, что солнца он не заменит. Мимо энергоцентра «форд» промчался к аэродрому, и здесь, на пустынном отрезке дороги, Кирман остановил машину.

– Если вы хотите поговорить, – сказал он, – нам нужно укрытие. А если боитесь, я отвезу вас обратно и вернусь, потому что укрытие нужно мне самому.

– Я остаюсь, – коротко ответил Крафт.

Кирман выбрался из машины, Крафт последовал за ним. Они пошли к свалке из обломков досок, разбитых камней и покореженных бетонных конструкций. Кирман шел быстрее Крафта, но чувствовал, как вязнут в почве ноги, будто ступни полностью онемели. Он отказался от мысли поэкспериментировать с энергетическими установками сейчас – слишком людно и в случае чего скрыться некуда. Придется дожидаться утра здесь. Он обогнул свалку, Крафт, пыхтя, опустился на обломок бетонной плиты рядом с ним.

– Сегодня сюда бабахнули из миномета, – сказал Кирман. – Убивали мышь, которая стала такой же опасной для общества, как я.

– Убили? – спросил Крафт.

– По чистой случайности – да.

– У меня в бензобаке...

– Знаю. У нас впереди ночь, точнее – у вас. Я не знаю, сколько в запасе у меня – часа три, вероятно. Попробую рассказать вам абсолютно все. Не уверен, что вы захотите это опубликовать.

Крафт промолчал. Отвечать бессмысленно, Кирман знает все, что он может сказать. В логике поступков Кирмана журналист разобраться не мог – почему, например, он скрывается, если может действовать в открытую? В том, что Кирман способен на многое, Крафт убедился. И о каком запасе времени толкует биолог? Крафт подумал, что надо бы вернуться к машине и взять диктофон – если предстоит долгая беседа, лучше иметь документальную запись.

– Не беспокойтесь, – сказал Кирман, – вы ничего не забудете.

20 октября, воскресенье.

В час ночи Рихтер стоял у окна своего кабинета, смотрел на суету перед входом и пытался анализировать ситуацию. Ситуация анализу не поддавалась. Понять можно было лишь общие закономерности, которые не позволяли ответить на конкретный и главный вопрос: где сейчас Кирман и как до него добраться? К тому же и журналиста упустили.

Этот эпизод был совершенно загадочным. О том, что Крафт едет в район поиска, Рихтеру сообщили утром. Сказали, что репортера нужно направить таким образом, чтобы он увидел момент поимки Кирмана. Пусть у Крафта создается впечатление о прекрасной работе поисковых отрядов. Рихтер, понимавший насколько трудным будет поиск в пустыне, подчинился приказу с большой неохотой. Но мнение свое сообщил. Судя по всему, это мнение сыграло определенную роль: три часа спустя последовал новый приказ. Крафта изолировать, информации не давать. Рихтер пожал плечами и отдал соответствующее распоряжение. Ему было не до Крафта.

А потом все пошло наперекосяк. Журналиста остановили на первом контрольном пункте, он и не думал скрываться. Действуя в соответствии с предписанием, лейтенант Додж повез Крафта на базу. Что, черт возьми, произошло в пути? Если верить службе наблюдения – ничего.

Но на базу Додж прибыл один и уверял, что один и ехал от самого кордона. Зачем? Этого он не знал. Был приказ, и он поехал. Чей приказ? Неизвестно. Бред и чушь. Если в этом замешан Кирман, то как? Куда делся журналист? И куда, наконец, делся сам «форд»? Додж подошел к зданию штаба пешком. Куда он дел машину? На этот вопрос лейтенант не смог ответить – он не знал. Действительно не знал.

В окнах лабораторий горел свет – работа не прекращалась ни на минуту. За время службы на базе Шеррард Рихард перезнакомился практически со всеми и со многими подружился. Он не мог, не имел права проморгать работу, которая велась под вывеской сверхсекретного «Зенита». Рихтер прекрасно понимал, что в этой ситуации именно он окажется козлом отпущения, – когда все кончится, ему воздадут сполна. Почти наверняка придется уйти в отставку. Такой оборот Рихтера не очень беспокоил – деньги у него есть, откроет свое дело; в конце концов, он и сам собирался, выйдя на пенсию, купить бар или кафетерий. Семьи у него нет, а женщины всегда найдутся.

Никто на его месте не справился бы лучше с делом Кирмана. Кто, черт возьми, виноват – он или игра в сверхсекретность? Если бы его вовремя информировали о «Зените» и о прекращении работы, он легко поймал бы Кирмана на подлоге. Но, не зная ни о чем, как можно кого-то поймать? Много раз он слушал, о чем говорили наедине Кирман и эта Тинсли – в их беседах не было ничего, что его как офицера службы безопасности могло бы беспокоить. «Зенит» не упоминался никогда. О чем они говорили, гуляя по пустыне, Рихтер не знал. Он мог бы, конечно, всадить микрофоны в костюм Кирмана или платье Бет, но считал это лишним.

Наружное наблюдение, которое он изредка практиковал, никогда ничего не давало. В общем, с его точки зрения Кирман был чист.

Может, Рихтера сбивала с толку убежденность в том, что Кирман должен быть чист? Кирман – ведущий специалист, руководитель работ по генетической бомбе. Зарабатывал он в десятки раз больше Рихтера. Фанатиком науки не был – свидетельством тому его связь с Тинсли, но и глупостей никогда не совершал. В его аполитичности Рихтер давно убедился – человек, работающий над бомбой и представляющий последствия ее возможного применения, должен быть вне подозрений.

Сейчас Рихтер понимал, что у медали была и другая сторона. Кирману было решительно плевать на то, сколько людей убьет его бомба, но когда представилась возможность использовать работу для достижения собственных целей, он не преминул сделать это.

Все сегодня катилось к черту. Кирмана нет, Додж порет чушь, Тинсли спятила, машина репортера исчезла вместе с ним, причем на территории базы! Если добавить к этому гибель самолета, развороченный взрывом пакгауз и неполадки со связью, обнаруженные в последний час, да еще полную неизвестность впереди...

Звякнул телефон. Рихтер поднял трубку. Докладывал лейтенант Карстнер, отвечавший за наружное наблюдение. Судя по голосу, он сам не верил в то, что говорил:

– «Форд» обнаружен, сэр. Он на стоянке перед штабом.

– Не понял, – оторопел Рихтер. – Я проходил там четверть часа назад.

– Машина только что появилась, сэр. Собственно... Она ниоткуда не приехала. Ее не было, а потом она возникла там, где стоит сейчас.

У Рихтера заныли пальцы, сжимавшие трубку.

– Там этот репортер, Крафт, – продолжал Карстнер. – Сидит спокойно, оглядывается, но не выходит.

– Ну так подойдите и приволоките его, – рявкнул Рихтер вовсе не оттого, что был сердит на Карстнера. Он просто отгонял подступивший страх, нечто подобное он испытал утром, когда эта проклятая мышь...

– Слушаюсь, сэр.

Рихтер бросил трубку и подошел к окну. «Форд» действительно был на стоянке. Из здания выбежали несколько десантников и набросились на машину, будто это была операция по захвату террориста, все произошло мгновенно. Крафта вытолкнули, сжали со всех сторон и повели.

Рихтер бросился вон из комнаты, не стал ждать лифта, с каждым лестничным пролетом страх становился все более липким. Он боялся не Крафта и не странного этого «форда». Он боялся того, что случится с ним самим – и скоро, через час или даже через минуту. Он сбился с шага и едва не упал, с трудом сохранив равновесие. Что-то случится.

* * *

Кирман закончил рассказ. Многого он не смог выразить словами, но Крафт понял, и Кирман знал, что репортер ничего не забудет. Теперь нужно сделать так, чтобы он все забыл. На время, конечно, – до того момента, когда он вернется в Нью-Йорк. Кирман вовсе не хотел давить на психику Крафта, выводы пусть делает сам.

Кирману не нужно было выглядывать на дорогу, он и так знал, что происходит. Территория была ярко освещена, в небе – после захода солнца оно почернело и заволокло облаками – висели вертолеты, гул моторов стал таким привычным, что не воспринимался как помеха. Один из вертолетов завис над «фордом», и в свете прожектора машину нельзя было не увидеть. Пилот, однако, ничего не замечал.

Рассказывая Крафту о работе, Кирман одновременно следил за всеми действиями контрразведки, «говорил» с людьми, и люди соглашались с ним, не могли не соглашаться – их психика не была приспособлена для конфликтов с внушением, шедшим, казалось, из глубины собственного подсознания. Все это Кирману не нравилось. Не нравилось командовать, скрываться, но еще больше не хотелось быть убитым. Навязанная ему игра на выживание затягивала. За одним поступком неизбежно следовал другой.

– Я думал, – сказал Кирман репортеру, – что физическое могущество дает и физическую свободу. Не свободу навязывать свою волю, а свободу быть собой, понимаете? Не получается... Все время я вынужден поступать так, как требуют обстоятельства. Мне плохо, Роберт. Боже мой, как плохо... Вы понимаете меня?

– Пытаюсь, – вздохнул Крафт.

Он смотрел на висевший над ними вертолет и старался посильнее вжаться в груды обломков, хотя и знал, что пилот его не видит.

– Сейчас вы пойдете, – сказал Кирман. Крафт зашевелился. – Не бойтесь. Вы сядете в машину и поедете к штабу. Все, о чем мы здесь говорили, вы на время забудете. Поэтому там, – Кирман мотнул головой, – вы будете вполне искренни, обвинить вас будет не в чем. Да и я подстрахую. Через час вы будете в дороге. Главное для вас теперь – уехать отсюда.

– А вы, Дик? Если я верно понял... Вы же через час-другой... ну... заснете, и каждый, кто сможет...

– Да, засну. Но я приму меры, чтобы меня не нашли.

– У меня есть еще вопросы, Дик, – сказал Крафт. – Вы мне все рассказали о работе, и я понял. Но я почти ничего не знаю о вас лично, а читателям, понимаете...

– Не нужно, Роберт. И без интимных подробностей это будет бомба, верно? Поймите, я не хочу на вас давить...

– Понимаю, – сказал Крафт.

– Роберт, – медленно, со значением заговорил Кирман, – вы хоть поняли, что нас всех ждет? Пусть мне сейчас и не удастся. Пусть вы не сумеете ничего опубликовать, и никто не узнает правды. Но все равно, Роберт, в эволюции человечества произойдет взрыв, наши желания ничего не изменят. Ничего. Как не изменило бы ничего решение обезьяны не становиться человеком. Понимаете, Роберт?

– Понимаю, – повторил Крафт. – Дик, я хочу спросить... Это... очень больно?

– Очень. Но я ведь от незнания пошел на такой шаг. Мне казалось, что это единственный способ.

– И еще... Вам не хочется подышать, а? Вы ведь привыкли дышать, а теперь...

– Не хочется, Роберт. Это инстинкт. Старые инстинкты исчезли, возникли новые. Я ведь долго вообще не знал, что не дышу. И чувства голода нет, я знаю, что это такое, но есть не хочу. Многого нет, и многое появилось. Я разговариваю с вами и одновременно решаю проблему репликации в зародышевом состоянии. И в то же время чувствую всех, кто находится на базе. Мыслей не выделяю, могу и это, но сейчас меня интересует общее, я хочу знать состояние людей... Или: я смотрю на вас и вижу, как вы светлеете.

– Что? – не понял Крафт.

– Температура. Вы волнуетесь, и у вас повышаются температура и кровяное давление. А я это вижу... Идите, Роберт, пора.

Крафт поднялся. Ему не хотелось выходить на открытое пространство, простреливаемое лучами прожекторов.

– Идите, Роберт, – повторил Кирман.

А ведь он может просто взять меня мысленно за руку и повести как ребенка, подумал Крафт. Но он не сделает этого, он хочет, чтобы я сам...

– Да, – сказал Кирман, – я хочу, чтобы вы были свободны в своих поступках, Роберт.

– Прощайте, Дик, – сказал Крафт. – Честно: мне очень хотелось бы увидеть вас у себя в Нью-Йорке, а не так вот... Я напишу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.